
Тишина седьмого кабинета
7
18+

Диана Эверли

Тишина седьмого кабинета

«Автор»
2026

Эверли Д.

Тишина седьмого кабинета / Д. Эверли — «Автор», 2026

В закрытом Институте архивных исследований есть комната, которой будто бы нет в расписании. Её дверь опечатана, но по ночам за ней звенит колокольчик. Студенты рассказывают легенды. Архивисты предпочитают не отвечать на вопросы.Десять лет назад из института исчез брат Ники Лавровой. Теперь Ника сама приезжает учиться сюда и получает письмо от преподавателя Данила Островского: тот обещает рассказать ей об одной старой описи. На следующий день Островского находят мёртвым.Ника и студент-реставратор Илья Северин обнаруживают, что под одним архивным номером когда-то существовали два разных фонда. Чем ближе они к истине, тем труднее понять, кому доверять и что именно скрывают стены седьмого кабинета.

© Эверли Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. когда звонит колокольчик 6
Глава 2. пустая строка 18
Глава 3. лестница 28
Глава 4. карточка а-17 39
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Диана Эверли
Тишина седьмого кабинета

Тишина седьмого кабинета
Детективный роман

Глава 1. когда звонит колокольчик

В день, когда Ника Лаврова впервые вошла в институт, на табличке у проходной было написано, что посетителей просят не звонить в колокольчик после шести.

Утром того же дня Ника приехала на городской вокзал раньше поезда. Ночью у неё поднялась температура — не настолько, чтобы отменять поездку, но достаточно, чтобы она дважды вернулась проверить паспорт, выключенный утюг и папку с копиями. Отец вызвался проводить её до такси и попросил не повторять в институте семейную историю первому встречному.

— Я еду учиться, — ответила она.

— Я знаю. Просто люди любят задавать вопросы не потому, что могут помочь.

— А я умею не отвечать.

Он помог поставить чемодан в багажник и закрыл крышку раньше, чем Ника нашла слова, которыми могла бы его успокоить. У него всегда получалось закончить разговор действием: вынести стул на балкон, починить замок, закрыть багажник. Этому она научилась у него лучше, чем хотелось бы.

На вокзале кофе пролили возле автомата. Женщина с тряпкой и шваброй просила пассажиров обойти лужу. Почти все послушались; мужчина с портфелем переступил через её руку и наступил в воду. Женщина ничего не сказала, только снова вытерла след.

Ника поставила чемодан у стены и проверила телефон. Письмо Островского пришло ночью и оказалось среди уведомлений о банковской карте и скидке на куртки. Она сначала подумала, что это ошибка: преподаватель, с которым она не была знакома, знал фамилию её матери и предлагал увидеть дело, номер которого ничего ей не говорил.

Ника увеличила текст. Дата и место были указаны верно. Ещё точнее было обращение: «Если вы действительно дочь Елены Лавровой». Не «родственница Андрея», не «студентка Лаврова». Как будто узнать мать было важнее, чем узнать брата.

Она набрала номер дома. Мать ответила не сразу.

— Уже на вокзале? — спросила она. На фоне тихо работало радио.

— Да. Ты знаешь преподавателя Данила Островского?

На секунду радио стало громче, потом кто-то убавил звук.

— Почему спрашиваешь?

— Он написал мне. Сказал, что в архиве есть дело, которое стоит посмотреть.

— Какое дело?

— Номер А-17. Ты его знаешь?

— Нет. — После паузы мать добавила: — Там наверняка много преподавателей. Может быть, вы с ним переписывались при поступлении.

— Нет.

— Спроси у него. И не отдавай семейные письма, если не уверена, что их вернут.

Ника посмотрела на папку. Копии лежали под прозрачной плёнкой, оригинал братнего конверта она оставила матери. Это было условие, на котором мать согласилась дать ей фотографии: не везти с собой единственную вещь, которую могла потерять дорога.

— Он сам написал не приносить оригиналы.

— Тогда, возможно, он осторожный человек.

— Мам, я спросила, знаешь ли ты его.

— Я слышала фамилию. На сайте института, когда мы с тобой смотрели программу.

Ника хотела переспросить, почему мать так долго молчала. Но объявили посадку, и её слова растворились в металлическом голосе громкоговорителя.

— Я позвоню вечером, — сказала она.

— Хорошо. Поешь в дороге.

Мать отключилась первой. Ника стояла с телефоном у уха ещё несколько секунд. Дома её этот жест не беспокоил: Елена Лаврова работала медсестрой и часто обрывала разговор, когда кто-то звал из коридора. Но теперь Ника вспомнила, что у матери был выходной.

В поезде ей досталось место возле окна. Напротив сел мужчина лет шестидесяти с тубусом для чертежей. Он бережно положил тубус на верхнюю полку и устроил под локтем книгу, перевёрнутую лицевой стороной вниз. Когда поезд тронулся, книга соскользнула.

Ника подняла её. На обложке была фотография старого здания: арочный вход, узкие окна и решётка, похожая на ту, которую она видела на сайте института. Название — «Берестовское архивное училище. История одного собрания».

— Спасибо, — сказал мужчина. — Здесь сквозняк, книга пытается выйти раньше меня.

— Я еду в институт, — сказала Ника. — Это про него?

— Про предшественника. Часть зданий они унаследовали, часть построили позже. Вы туда поступили?

— В магистратуру.

— Тогда вам пригодится местная привычка: смотреть на дату издания прежде, чем доверять плану здания. За двадцать лет там перестроили больше, чем написано в любой книге.

Мужчина представился Михаилом Павловичем, архитектором на пенсии. Он ехал в Берестов на встречу выпускников своего техникума. Ника спросила, может ли посмотреть книгу, и он разрешил. На первых страницах были воспроизведены старые планы, на последних — фотографии сотрудников, торжественное открытие нового корпуса и несколько страниц с перечнем фондов.

Она нашла схему западного крыла. Кабинеты на ней были расположены иначе, чем в электронном плане из письма приёмной комиссии. Между архивной лестницей и бывшим кабинетом истории значился маленький прямоугольник без номера.

— Здесь нет седьмого кабинета, — сказала Ника.

— А был?

— На старом плане? Я думала, вы знаете.

— Я знаю только ту часть, которую строили мои знакомые. Этот чертёж конца девяностых. Если помещение не подписано, оно может быть и кладовой, и шахтой, и пустотой между стенами. Проверять надо по поэтажному плану того года, а не по красивой книге для выпускников.

Он аккуратно вытащил из кармана билет, использовал как закладку и показал на легенду под схемой.

— Видите? Автор сам пишет: «схема условная». Значит, если вы поставите по ней шкаф, он, скорее всего, загородит дверь.

Ника сфотографировала страницу, получив разрешение. Она подумала об Островском: он написал ей про один номер, а в книге номер отсутствовал вовсе. Эта мысль выглядела соблазнительной только до тех пор, пока она не вспомнила, что не знает, связано ли дело А-17 с помещением. Она оставила фотографию без подписи.

— Вы занимаетесь архивами? — спросил Михаил Павлович.

— Училась на историческом. Теперь хочу заниматься описанием фондов.

— Обычно люди сначала хотят искать тайны. А вы хотите их описывать?

— Чтобы тайны могли искать и другие, а не только тот, кто первым открыл коробку.

— Хороший ответ. Вы его где-то выучили?

— Только что придумала.

Он засмеялся. На следующей станции в вагон вошла девушка с коробкой и длинным полотняным чехлом. Она заняла место через проход и долго пыталась устроить чехол между

сиденьями. С верхней полки упал чей-то пакет с печеньем. Вагон вздрогнул, и коробка девушки соскользнула на пол.

Ника помогла ей поднять крышку. Внутри лежали тщательно завёрнутые рамки, а между ними — брошюры с жёлтыми бумажными закладками. Девушка быстро проверила углы и успокоилась.

— Не разбилось. Простите, я всем мешаю.

— Вы лучше скажите, куда поставить, чтобы это не повторилось, — ответила Ника.

Они вместе переложили коробку под столик, а чехол закрепили ремнём к нижней полке. Девушка оказалась сотрудницей небольшого городского музея. Она везла на лекцию репродукции документов и несколько стендовых рамок. Ника не стала говорить об Островском: они с этой женщиной только познакомились, а её письмо было личным.

— У нас сегодня выступление в институте, — сказала девушка. — Мы предоставили фотографии, но оказалось, что одна подпись в презентации неточная. Я еду попросить её заменить.

— В чём ошибка?

— Фонд назван по имени последнего владельца, хотя документы до него находились у семьи и были переданы музею не им. Его фамилия громче и привычнее, поэтому везде повторяют именно её.

— Он сам передал материалы?

— Нет. Это как раз то, что мы пытаемся исправить. Его дочь подписала дарственную. Я везу копию, чтобы не спорить по памяти.

— А оригинал?

— В музее. Не люблю давать единственные экземпляры людям, которых могу не застать в кабинете.

Ника невольно улыбнулась. Это был третий человек за утро, который говорил ей об осторожности с оригиналами. Девушка заметила улыбку и смутилась.

— Я звучала подозрительно?

— Нет. Просто мне сегодня уже давали такой совет.

— Тогда мы в хорошей компании.

Она назвала себя Мариной, показала музейный пропуск и раскрыла одну из брошюр. На фотографии была опись пожертвования; рядом лежала карточка, на которой имя дарительницы вписано позже, более тёмными чернилами. Марина объяснила, что это не обязательно признак подделки: люди иногда дополняли карточку, когда получали уточнение от семьи.

— Проблема начинается, когда позднюю запись выдают за первоначальную и не говорят об исправлении, — сказала она. — Или когда не могут объяснить, кто имел право её внести.

— В институте это готовы исправить?

— Островский сказал, что да. Но я хочу принести документы лично. Письма по дороге теряются, а разговор можно уточнить сразу.

При упоминании фамилии Ника всё-таки насторожилась.

— Данил Островский?

— Да. Вы его знаете?

— Он будет вести лекцию. Я собираюсь туда.

Она могла сказать больше, но не стала. И Марина, к её удивлению, не спросила ничего о причине интереса.

Оставшийся путь они обсуждали не преподавателя, а саму лекцию. Марина рассказала, как готовят подписи к выставкам: чем короче подпись, тем больше важных оговорок хочется в неё добавить. Ника возразила, что посетитель не обязан изучать происхождение каждой бумаги. Марина согласилась, но спросила, чью версию происхождения тогда следует оставить без объяснения.

— Можно написать, что происхождение уточняется, — предложила Ника.

— Можно. Если у вас есть место на табличке.

— А если нет?

— Сократить красивую цитату на соседнем стенде. Обычно она первая жертва, когда начинается настоящая работа.

Михаил Павлович, слушавший их через столик, поднял ладонь:

— Прошу не трогать красивые цитаты. Я ради них хожу на выставки.

— Тогда придётся расширять стены, — ответила Марина.

— Как архитектор, я всегда за.

На подъезде к Берестову поезд остановился между станциями. За окном тянулась река, почти чёрная под низким небом. С другой стороны был виден старый промышленный корпус с выбитыми стёклами. В вагоне стало тихо, потом люди начали открывать телефоны и искать объяснение.

Проводница сказала, что впереди проверяют пути после сильного дождя. Время отправления пока не уточнили. Ника посмотрела на часы. Если задержка продлится долго, она не успеет получить ключи до шести. Могла бы написать на проходную, но номер был указан только в приложении к договору, а связь исчезала каждый раз, когда поезд проходил по низине.

Она попросила у Марины номер института. Та тоже пыталась дозвониться и уже успела набрать секретаря. Секретарь не ответил, но через несколько минут перезвонил на её второй телефон и объяснил, что проходная откроет студентам по паспорту и после шести, если предупредить заранее.

— Назовите фамилию, — попросила Марина у Ники.

Та назвала. Марина повторила в трубку и подождала подтверждения.

— Вот. Записали.

— Спасибо. Вы из-за меня не опоздаете?

— Я всё равно звоню. А вы можете подержать коробку, пока я найду документ. Он где-то под каталогом выставки.

Ника придержала коробку. Марина вынула конверт с надписью «Дарственная, копия», убедилась, что он сухой, и вернула на место. Под ним лежала фотография молодой женщины у входа в старое училище. На обороте кто-то написал имя — Нина, без фамилии.

— Мы так и не узнали, кто она, — сказала Марина. — Архив музея получил снимок вместе с другими фотографиями, но подписи сделали разными руками. Один человек утверждает, что это его бабушка, другой — что знакомая семьи. Мы не стали печатать фамилию ни одного из вариантов.

— А они видели друг друга?

— Нет. Мы сначала думали организовать встречу, а потом поняли, что оба могут захотеть сохранить свои версии. Пока достаточно сказать: имя установлено, фамилия уточняется.

Поезд тронулся. Михаил Павлович убрал книгу в сумку и сказал, что этим утром Ника получила хорошую подготовку к архивному делу: половину дороги она ехала, а половину ждала, когда обстоятельства позволят проверить расписание.

— У меня дома был архив из одного конверта, — сказала она. — И я всё равно не сумела его прочитать.

Слова вырвались прежде, чем она решила, что готова рассказать незнакомым людям о брате. Марина не спросила, что в конверте. Только сказала:

— Иногда дело не в том, что вы недостаточно внимательно читали. Возможно, для ответа нужна другая бумага. Или человек, который её написал.

Ника отвернулась к окну. Человек, который её написал, десять лет не возвращался. Она не хотела позволять себе думать о встрече с ним как о чём-то, что можно устроить, найдя правильную папку. И всё же слова Марины остались с ней.

На вокзале они расстались. Михаила Павловича встретил бывший сокурсник с зонтом; Марину ждал музейный автомобиль, которому пришлось задержаться из-за поезда. Ника отказалась от предложения подвезти её к институту. Ей нужно было купить воды и немного пройтись, прежде чем войти в место, где брат когда-то учился.

Город встретил её сыростью и запахом мокрой листвы. Она шла по улице, сверяясь с картой. На площади у старой типографии заметила книжный магазин, а в витрине — ту же книгу, которую держал Михаил Павлович. Рядом лежал календарь с фотографией института. На снимке над его воротами висела выцветшая табличка: «Для вызова дежурного позвоните».

В витрине было сухо. Ника могла бы зайти и купить календарь, чтобы рассмотреть фотографию, но до шести оставалось меньше двадцати минут. Она сфотографировала витрину через стекло. На снимок попало собственное отражение: мокрые волосы у висков, тёмная куртка, папка под рукой. Институт за её отражением казался нарисованным.

Она убрала телефон и ускорила шаг.

Она приехала без десяти. Смеркалось; за решёткой корпуса стояли так близко друг к другу, будто пытались укрыть внутренний двор от ветра. Дворник сгребал мокрые листья к канализационной решётке и сердито выдёргивал те, которые вода тут же возвращала.

У калитки действительно висел колокольчик. Небольшой, латунный, с зелёным пятном на боку. Верёвка под ним была обрезана и завязана узлом.

Ника нажала кнопку домофона. Динамик зашипел.

— Да?

— Лаврова. Я на первый курс магистратуры, мне сказали получить ключи до шести.

— Документ к камере.

Она подняла паспорт. Камера смотрела ей не в лицо, а куда-то на уровень воротника. Ника опустила документ. В динамике кашлянули.

— Заходите. С колокольчиком не играйте.

— А что случится после шести?

— Мне придётся отвечать на этот вопрос после шести.

Замок щёлкнул. В проходной за стеклом сидела женщина лет пятидесяти, с серебряной заколкой и кружкой, на которой облупилась надпись «Лучший архивариус». Она переложила наушник телефона с одного уха на другое и показала Нике, куда поставить подпись.

— Ребята живут в восточном крыле. На третий этаж. Комната тридцать четыре. Лифт для книг, людей там не возим.

— Здесь все живут?

— Кто хочет. А кто не хочет, тот ездит через мост. По утрам мост стоит. Быстро учатся хотеть.

В журнале посетителей под её подписью осталась пустая строка. Дата наверху — четырнадцатое октября. Ника проверила её прежде, чем перевернуть страницу договора на общежитие. Сегодня эта дата встретилась ей второй раз: утром она обнаружила в почтовом ящике короткое письмо преподавателя Данила Островского. «Если вы действительно дочь Елены Лавровой, приходите четырнадцатого октября. В архиве есть дело А-17, которое стоит увидеть до того, как его отправят на проверку. Не приносите оригиналы семейных документов».

Она прочла письмо трижды. Отец всегда говорил, что брат бросил учёбу и уехал. Когда Нике было двенадцать, взрослые произносили это так, словно надеялись превратить неопределённость в маршрут с известной конечной станцией. Теперь она знала только дату отъезда, имя и то, что десять лет никто не отвечал на письма матери. Мать сохранила одно письмо Андрея — конверт без марки, переданный через знакомую. В нём были две строчки о том, что он задержится, и рисунок узкой двери. Дату конверта Ника запомнила лучше собственного дня рождения.

— И ещё, — сказала женщина за стеклом, протягивая ей связку ключей. — Ночью коридор архива закрыт. Если услышите что-нибудь, не ходите проверять.

— Кого-то запирают внутри?

— Трубы. Они стучат. Приезжие сначала верят, что это люди. Потом привыкают.

— А колокольчик?

Женщина глянула на него через дверь.

— Это для тех, кто ещё не привык.

Ника взяла ключ и подняла сумку. Она не спросила, почему трубы могут звонить. На дне сумки лежал телефон с письмом Островского, и ей было важнее успеть ответить на него до начала лекции.

Внутри пахло влажным камнем и свежей краской. Вестибюль был отремонтирован только наполовину: справа блестели новые стойки для объявлений, слева проступали потемневшие следы старых портретов. Прямоугольники на стене оставались светлее остальных. Под одним торчал гвоздь.

По лестнице спускались двое с коробкой. Девушка держала её снизу, парень — за края; на крышке значилось «Стекло». Перед поворотом девушка остановилась.

— Если ты сейчас снова скажешь, что здесь всего три ступеньки, я тебя брошу, — предупредила она.

— Здесь четыре. Я учёл вчерашнюю травму самолюбия.

Ника отступила, пропуская их. Девушка заметила ключ в её руке.

— Новенькая? Тридцать четвёртая?

— Да.

— Тогда мы соседки. Я Алина. Это Илья, он виноват во всём, что ещё не успел объяснить.

— Илья Северин, — поправил парень и чуть приподнял коробку. — Я не виноват в том, что стекло хрупкое.

— Пока.

Они донесли коробку до вестибюля и поставили на стол. У Ильи были тёмные пальцы в тонких царапинах и светлое пятно на рукаве свитера, как от мела. Он не спешил спрашивать Нику, откуда она и почему приехала так поздно. За три минуты знакомства она успела оценить это качество.

— Ты успела на Островского? — спросила Алина. — Нам разрешили прийти даже без записи. Он рассказывает про фонд старого университета. Обычно он говорит два часа, но интересные вещи — в последние десять минут, когда все уже думают об ужине.

— Я именно к нему.

— Лекционная в западном корпусе. Можем проводить.

Илья закрыл коробку на два металлических защёлкивающихся замка.

— Идите. Я отнесу это в мастерскую.

Он сказал это быстро, словно ему было важно не участвовать в разговоре о лекции. Алина заметила, но ничего не сказала, только взяла Нику за локоть и повела к переходу.

— Он хороший, — сообщила она, когда дверь закрылась. — Просто если он говорит «я отнесу», значит, отнесёт даже ночью и даже если идти через пожарный выход. Можешь не ждать от него светской беседы.

— Я ещё ничего от него не жду.

— Это пока.

Переход между корпусами выходил окнами в сад. В темнеющем стекле отражались они сами и ряды высоких шкафов по другую сторону коридора. Стёкла были мутными, поэтому сад выглядел как неудачно проявленная фотография. Алина шла быстро, рассказывая, как в первый месяц потерялась между читальным залом и буфетом, и утверждала, что буфет всё равно оказался на нужном месте раньше её.

У двери лекционной Ника остановилась. На стенде висел план этажа. Шесть учебных кабинетов, читальный зал, служебное помещение. Между пятым и шестым номером оставалось узкое пространство, обозначенное серым прямоугольником без двери.

— Что здесь? — спросила она.

Алина проследила за её пальцем.

— По плану — ничего. По рассказам — седьмой кабинет. По мнению ректора — не тратьте силы на студенческие сказки, у вас скоро зачёт.

— Почему седьмой между пятым и шестым?

— Вот поэтому и сказки. Когда-то здесь была другая нумерация. Старую часть закрыли после ремонта. Иногда по вечерам там слышен колокольчик.

— Трубы?

— Все так говорят. Но никто не видел, чтобы труба звонила.

Из лекционной раздались аплодисменты. Ника посмотрела на часы. Семь минут после шести.

Островский говорил, стоя у стола. Он был моложе, чем она ожидала, с усталым лицом и аккуратными тёмными кругами под глазами. Проектор освещал половину доски, вторая оставалась в тени. На экране виднелись строки старой описи: номер, название, количество листов, пометка о состоянии.

— Если у документа есть номер, — говорил он, — это ещё не означает, что мы знаем, какой именно документ перед нами. Номер помогает искать. Он не освобождает от необходимости смотреть.

Алина наклонилась к Нике:

— Хорошая новость: мы пришли на последние десять минут.

Островский сменил слайд. На экране появилась фотография карточки с исправленным именем дарителя.

— У этой записи есть две даты, — сказал он. — Один человек передал документы на хранение, другой позже уточнил, кому они принадлежали. Если оставить только громкое имя, можно стереть того, кто принял решение о передаче.

Женщина в светлом плаще у двери подняла руку. Ника узнала Марину, с которой ехала в поезде. Та держала на коленях папку музея и жестом показала Островскому, что готова подождать до конца лекции. Он кивнул, но взгляд его сразу ушёл к телефону на столе. Экран загорелся и погас.

В дальнем ряду Виталий приподнял руку:

— Вы обещали вторую опись. Мы сможем её увидеть сегодня?

— Мне только что сообщили, что срок выдачи продлён. Причину пока уточняют.

— Но у нас доклад в понедельник.

— Я знаю. Если опись не выдадут, перенесём срок.

— Я не могу перенести. В понедельник у меня последняя смена перед оплатой общежития. Я работаю по вечерам, готовиться смогу только завтра.

Островский положил указку на стол.

— Тогда после лекции найдём материал, к которому доступ уже открыт. Я не собираюсь ставить вас перед выбором между оплатой комнаты и семинаром.

Виталий сел, но выражение его лица не изменилось. Ника знала этот взгляд по собственному первому курсу: благодарность смешивалась со злостью оттого, что снова пришлось объяснять незнакомым людям, сколько стоит твоё время.

Преподаватель вытащил из папки два листа и передал Виталию. Тот поднялся и показал их первому ряду. На одном виднелась печать, другой был исписан от руки.

— Эти копии можно сравнивать. Только не делайте выводов о происхождении всего фонда по одному номеру. Вопрос — как документ попал из одной описи в другую.

— А если вторая опись всё-таки существует, но её не хотят показывать? — спросила девушка возле прохода.

— Тогда нам нужны подтверждённые основания для запроса и понятный ответ об ограничениях. Одного недовольства мало. — Он увидел, что девушка не убедилась, и добавил: — Задержка может быть законной. Может быть ошибкой. Я не знаю, пока не получу ответа.

На столе снова завибрировал телефон. Островский быстро взглянул на экран и сбросил вызов. В тот же момент из коридора донёсся металлический удар. Кто-то резко дёрнул дверь, но ручка заела.

Виталий открыл. На пороге стояла библиотекарь с двумя коробками. Верхняя съехала набок; она удерживала её плечом.

— Данил Сергеевич, у нас проблема. В переходе из-под стены идёт вода. Тележку не провести, а эти вещи я не успела убрать.

Он сразу направился к двери. Ника поднялась вместе с остальными. В коридоре у окна стояла тележка с раскрытой крышкой. На полу вокруг неё темнели пятна; из-под плинтуса выходила вода и медленно приближалась к ножке стеллажа.

— Вещи далеко от воды? — спросил Островский.

— Верхняя полка сухая. Нижняя ещё не успела намокнуть.

— Никто не трогает содержимое. Катя, позовите дежурного и попросите перекрыть участок. Виталий, помогите с тележкой, только держите за раму. Я запишу, что куда переносим.

Алина взяла у библиотекаря одну коробку, поставила на свободный стол и спросила, куда убрать вторую. Та показала сухой участок у стены. Ника отодвинула стул, чтобы освободить проход. Виталий вместе с Островским осторожно поднял тележку за раму и переставил подальше от стены.

Вода продолжала сочиться. Ника стояла ближе всех к выключателю настенного светильника и хотела его нажать, но Илья, появившийся из перехода с закрытой деревянной кассетой, остановил её:

— Не трогайте. Я позову электрика, если он нужен. Руки сухие, но стена мокрая.

Он поставил кассету на свободный стул и посмотрел на коробки. Библиотекарь объяснила, что забирала материалы с временной выставки после того, как там начали разбирать витрины.

— Здесь есть тетрадь с семейными письмами, — сказала она. — Владелица просила никому не давать без неё.

— Тогда не открываем. Отметим коробку и передадим ответственному, — сказал Илья.

Дверь аудитории распахнулась. На пороге стояла Ланская. Она быстро оценила воду, тележку и людей вокруг стола.

— Почему материалы выставки находятся в переходе?

— Их перевозили в читальный зал, — ответила библиотекарь. — Я позвонила в архив, но телефон был занят. Вода пошла, пока я искала свободную тележку.

— Кто разрешил снять их с витрин?

— Я, — сказал Островский. — Выставка закончилась вчера. Сегодня нам нужно было освободить помещение.

Ланская остановилась возле тёмной коробки. На крышке стояли две буквы и наклеенная бирка. Ника увидела, как профессор потянулась к бирке, но Илья предупредил:

— На руках вода. Лучше сначала вытереть.

Ланская убрала руку. Её лицо изменилось не от смущения: скорее от злости, которую пришлось удержать перед студентами.

— Данил Сергеевич, после занятия зайдите ко мне. Нам нужно обсудить порядок передачи.

— Обсудим. А пока, пожалуйста, помогите решить, где хранить коробки до прихода дежурного. На полу они оставаться не могут.

Алина наклонилась к Нике:

— Он смелый только тогда, когда рядом бумага.

— А когда не рядом?

— Наверное, ищет бумагу.

Ланская показала на свободную комнату рядом с читальным залом. Она открывалась отдельным ключом; библиотекарь записала номер ключа и попросила студентов не расходиться, пока не будет составлен список коробок. Виталий посмотрел на часы. Его тревога из-за семинара вернулась: работа с выставкой не относилась к его курсу, а времени становилось всё меньше.

— Я должен идти, — сказал он. — Могу оставить телефон, если понадобится объяснить, что делал.

— Конечно, — ответил Островский. — Вы уже помогли.

Виталий продиктовал номер библиотекарю и ушёл. Перед уходом он вернул преподавателю два листа, но один соскользнул на край стола. Ника заметила это и окликнула его. Он обернулся и поймал лист до того, как тот коснулся мокрого пола.

— Спасибо. Я бы потом неделю думал, зачем вообще пришёл.

— Вы пришли за материалом к докладу.

— Это я себе тоже скажу. Не уверен, что поможет.

Он отдал лист Островскому и ушёл. Преподаватель выровнял края бумаг, вложил их в папку и защёлкнул застёжку.

Из прохода появился мужчина в рабочей куртке. Он проверил трубу фонарём, попросил всех отойти и сказал, что пока не может установить причину течи: нужно отключить участок и осмотреть соединение. Ланская позвонила кому-то из администрации, затем распорядилась временно закрыть переход с одной стороны.

— И как нам добраться в общежитие? — спросила Алина.

— Через центральный вестибюль. Там дольше, но сейчас безопаснее.

Она говорила сухо, однако взяла у библиотекаря тяжёлую коробку и сама перенесла на стол. Ника заметила, что Ланская не пытается открыть крышку без свидетелей, хотя все присутствующие могли бы уйти по её просьбе. Это ничего не говорило о её отношении к другим документам, но опровергало первую догадку Ники: профессор явно не собиралась сейчас тайком забрать коробку.

Рабочий принёс ведро. Капли падали в него неровно, с длинными промежутками. Марина подошла к Островскому и показала конверт с копией дарственной.

— Я обещала оставить документ. Но, может быть, лучше привезти завтра?

— Нет, если вы успеваете. Я отмечу получение и передам в библиотеку.

— Мне нужна копия отметки.

— Конечно.

Он записал название документа, число листов и время, поставил подпись и показал ей. Марина прочла, поправила фамилию дарительницы и только после этого убрала копию в сумку.

— Извините за подробности, — сказала она.

— Они здесь как раз уместны.

Ника не стала подходить, пока Марина говорила с преподавателем. Она слышала отдельные слова и понимала: встреча в поезде не даёт ей права вмешиваться в чужую передачу. Когда женщина вышла в коридор, Ника всё-таки догнала её у лестницы.

— Вы успели передать?

— Да. Даже получила отметку. — Марина показала листок. — А вы получили ключ от комнаты?

— Да. Ещё познакомилась с соседкой и успела услышать почти конец лекции.

— Тогда поездка не зря.

— Вы уже уходите?

— У меня автобус через полчаса. Хотела остаться до конца, но после задержки поезда расписание стало тесным.

Марина поправила ремень сумки. Ника заметила, что тубы при ней уже нет.

— Рамки оставили здесь?

— Внизу, на стойке у входа. Я их заберу по дороге. Они не относятся к документам, это просто подставки для следующей выставки.

Она поблагодарила Нику за помощь в поезде и спустилась. Ника вернулась к лекционной. В коридоре уже стояла табличка «Проход закрыт». Людей просили не задерживаться у лестницы, чтобы дежурный мог принести инструмент.

Илья забрал деревянную кассету со стула. Он проверил замки, затем поднял коробку одной рукой и сразу перехватил второй.

— Тяжёлая? — спросила Ника.

— Стекло. Не столько тяжёлое, сколько неудобное.

— Алина говорила, что вы несёте его в мастерскую.

— Нёс. Теперь придётся через вестибюль.

Она предложила помочь. Он отказался, потом передумал:

— Держите дверь. В переходе есть ступенька, я не увижу её из-за коробки.

Ника открыла дверь и дождалась, пока он пройдёт. У него на пальце была свежая царапина; когда он поднял кассету выше, царапина снова открылась и на кожу выступила точка крови.

— У вас рука.

— Вижу.

— В проходной наверняка есть пластырь.

— Есть. Я зайду, когда отнесу коробку.

Он произнёс это без грубости, но так, что дальнейшие советы были бы лишними. Ника отпустила дверь и вернулась к остальным.

Ланская тем временем проверяла список коробок. Библиотекарь называла обозначение, Алина записывала на листе, Островский подтверждал количество. Одну коробку не могли найти: в списке она значилась четвёртой, а на столе стояли только три.

— Возможно, я записала дважды, — сказала библиотекарь.

— Не нужно угадывать, — ответил Островский. — Проверьте тележку.

На нижней полке, под сложенной плёнкой, оказалась плоская папка с картонными стенками. Её приняли за дно коробки. Алина подняла плёнку, но не стала вытягивать папку, пока библиотекарь не посмотрела маркировку.

— Это она. Не коробка, я неверно назвала. Тут только печатные копии.

— Отметим, что папка, — сказал преподаватель и исправил запись так, чтобы исходное слово оставалось видимым.

Ланская подписала список рядом с ним. Их подписи стояли на одной строке, но никто не сделал вид, что они согласны во всём. Профессор снова напомнила Островскому о разговоре после лекции.

— Сначала мне нужно закончить занятие, — сказал он.

— Я подожду.

— Если вам нужен ответ по описи, он у меня будет только после проверки.

— Мне нужен ответ о том, кому вы обещали материалы без согласования.

Ника сделала шаг назад, не желая слушать спор. Ланская заметила её и замолчала. Островский тоже посмотрел в сторону аудитории. Затем сказал:

— Студенты не обязаны присутствовать при этом. Поговорим позже.

Профессор закрыла папку и ушла в сторону читального зала. Ника могла бы предположить, что речь шла об А-17. Но у неё не было оснований: на выставке находились и другие материалы, а уведомление о задержке описи она видела только издалека.

Библиотекарь попросила всех вернуться в аудиторию. Она осталась ждать дежурного и пообещала позже закрыть комнату с коробками. Алина вернулась на место и шёпотом сообщила Нике, что теперь опоздает к руководителю интервью.

— Напиши ей, — сказала Ника.

— Уже. Она ответила: «Приносите завтра и не стойте под трубой».

— Кажется, она тебя знает.

— Именно поэтому совет короткий.

Островский вошёл последним. Он записал на доске новое время окончания и извинился за задержку. Указал, что тем, кому нужно уйти, материалы отправят через учебную часть. Несколько студентов собрались и вышли; Катя, Виталий и ещё двое остались. Ника увидела, что Виталий вернулся и сел у двери.

— На автобус ещё успеваю, — объяснил он, заметив её взгляд. — А если не успею, будет следующий. Сегодня я уже помог перенести тележку, могу и лекцию дослушать.

Преподаватель вернулся к слайду с двумя описями. После переполоха аудитория выглядела иначе: на полу остались влажные следы обуви, у стены не хватало одного стула, на столе лежал подписанный список коробок. Ника открыла блокнот и записала не номер, а вопрос: «Что именно нужно проверить, чтобы понять путь документа?»

Островский посмотрел на экран и поднял указку.

Островский взял указку и обвёл на экране одну строку. А-17. Ника почувствовала, как обложка блокнота скользнула в руке. В строке значились частные письма, тридцать два листа и папка размером двадцать на тридцать сантиметров. Преподаватель уточнил, что на учебном слайде личные сведения закрыты и его можно фотографировать для занятий. Ника сделала снимок.

— Здесь ошибка, — продолжил он. — Или две разные вещи, которым намеренно дали одно имя. Я покажу, как отличить одно от другого, когда мне вернут вторую опись.

Из заднего ряда кто-то спросил, когда именно её вернут.

Островский улыбнулся не сразу.

— Я бы тоже хотел знать.

В этот момент дверь открылась. В проёме появился мужчина в тёмном пальто. Он не вошёл и не снял перчаток. Островский замолчал, посмотрел на него и выключил проектор. На экране остался белый прямоугольник.

— На сегодня достаточно, — сказал он. — Следующую встречу перенесём. Материалы, которые я обещал, вы получите после проверки.

Студенты недовольно зашевелились. Алина попыталась поднять руку, но преподаватель уже собирал бумаги. Ника побежала к столу, прежде чем остальные успели выйти.

— Данил Сергеевич. Я Лаврова.

Он поднял глаза. Вблизи она увидела, что у него дрожит край листа в руке.

— Вы получили письмо?

— Да. Что за дело А-17?

— Не здесь.

Мужчина у двери подошёл ближе. Ника знала его по фотографии на сайте института: ректор Глеб Воронцов. Он выглядел старше и ниже, чем на снимке, и держал перчатки так аккуратно, словно собирался предъявить их как документ.

— Данил Сергеевич, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

— Мне нужно ответить студентке.

— Завтра ответите.

Ника не могла понять, прозвучала ли в этих словах угроза или привычка распоряжаться чужим временем. Островский вложил один лист в папку и закрыл её.

— Завтра в девять у архива, — сказал он Нике. — Возьмите только копию письма, о котором писали в заявлении. Оригинал оставьте дома.

Она хотела спросить, откуда он знает о заявлении. При поступлении она действительно прикрепляла копию письма Андрея, объясняя интерес к истории институтского фонда. Приёмная комиссия обещала сохранить личные материалы только в её деле. Но Воронцов уже отступил от двери, приглашая Островского выйти.

В коридоре выключили половину света. Преподаватель шёл первым. Ректор задержался на пороге и посмотрел на Нику.

— Вы только приехали?

— Сегодня.

— Тогда советую сначала узнать расписание. В старых фондах легко потерять не только время.

Он произнёс это спокойно. Ника собиралась ответить, но за стеной раздался короткий металлический звук.

Колокольчик.

Алина перестала застёгивать рюкзак.

— Слышала?

— Слышала.

Воронцов не обернулся. Только сильнее сжал перчатки, и кожа у его пальцев тихо скрипнула.

Глава 2. пустая строка

Комната оказалась меньше, чем Ника представляла по фотографиям общежития, зато окно выходило в сад. На подоконнике стоял пластмассовый горшок с растением, похожим на пучок засохших ниток. Алина отодвинула его к батарее.

— Это мой фикус. Он симулирует, чтобы я перестала брать дополнительные смены.

— И как, получается?

— Он хороший актёр. Но я уже заплатила за проезд до конца месяца.

У Алины был раскрытый чемодан, в котором книги занимали больше места, чем одежда. Поверх книг лежала серая папка с надписью «Устная история». Она заметила Никин взгляд и прикрыла папку шарфом.

— Записи интервью для курсовой. Люди разрешили слушать только мне и руководителю.

— Я не собиралась открывать.

— Знаю. Я объясняю это всем, даже маме. Особенно маме.

Ника поставила сумку на кровать у окна. Одна полка в шкафу была свободна. Она сложила туда одежду, а тонкую папку с семейными копиями положила под подушку. От простого движения стало стыдно: вещи в институте не становились секретными только потому, что кто-то выключил свет на лекции. И всё же письмо Островского она перечитала снова.

— Ты знакома с ним? — спросила Алина.

— Мы переписывались. Он нашёл моё заявление.

— Из приёмной комиссии?

— Похоже.

— Обычно заявления в архив не передают. Хотя он занимается историей студентов. Может, попросил доступ для исследования.

— Тогда почему не сказал?

— Островский половину объясняет в конце разговора, а вторую половину — после того, как вспомнит, что не объяснил первую. Но он никому не желает плохого. В прошлом году он помог мне вернуть запись интервью, которую я случайно стёрла. Сидел до ночи, хотя она была совсем не про его фонд.

Алина осторожно вынула из коробки маленький диктофон.

— Я привыкла спрашивать разрешение дважды. Один раз до записи, второй — когда человек понимает, что сказал. Островский этому научил. Говорил, архив не должен становиться ловушкой для тех, кто ему доверился.

За окном кто-то кашлянул. Ника раздвинула штору. В саду под фонарём стоял Илья; на плече у него висела сумка, а в руке была папка. Он смотрел на западный корпус, где за одним окном ещё горел свет. Из темноты вышла женщина в длинном пальто. Илья что-то сказал ей. Женщина выслушала, но не взяла папку. Потом оба скрылись за углом.

— Это его мама, — сказала Алина, подойдя к окну. — Ирина Северина. Она руководит реставрационной мастерской. Они могут спорить час, а на следующий день принести друг другу обед так, будто ничего не было.

— Хороший способ жить.

— Пока не понадобилось договориться до обеда.

В девять в коридоре загудел пылесос. Потом замолчал. Ника приняла душ и вернулась к кровати. Алина ушла пить чай к знакомой на соседний этаж, оставив записку: «Не пугай фикус. Он пугается ответственности».

Ника достала телефон. В письме Островского были две разные даты. Основной текст приглашал её четырнадцатого октября, а в подписи стояло «12 октября». Ничего странного. Но время отправки значилось как 14:03, и за ним следовало короткое второе сообщение, пришед-

шее через двадцать минут: «Если планы изменятся, карточка в старом каталоге. Не используйте номер как доказательство».

Она нашла фотографию конверта Андрея. На обороте, там, где бумага когда-то промокла, проступала линия. Мать считала её следом сгиба. Ника давно подозревала, что брат нарисовал ещё что-то и передумал. Она увеличила изображение, но пиксели рассыпались на серые квадраты.

Ника убрала телефон, но изображение конверта осталось перед глазами: белая полоска, которую она слишком долго принимала за случайный сгиб. Она подошла к окну. В одном из корпусов напротив постепенно гасли огни. Сначала исчез свет на верхнем этаже, потом в длинной полосе окон второго. Только одно оставалось освещённым — под самым карнизом, узкое и вертикальное, будто кто-то оставил в стене щель.

Она достала из папки распечатку плана института. План дали вместе с документами о проживании: общежитие, столовая, читальный зал, лестницы и точки сбора при тревоге. Между двумя корпусами проходил крытый переход. А вот помещение под светившимся окном обозначено не было. В примечании мелко значилось, что схема предназначена для эвакуации и не отражает устройство служебных помещений.

Ника водила пальцем по стрелкам, пока не услышала стук в дверь. Не в её комнату, а дальше по коридору. Кто-то шёл от одной двери к другой и спрашивал, не видели ли ключ. Ответы были сонными, раздражёнными, иногда шутливыми. Человек остановился у неё.

— Простите. Вы новенькая? — На пороге стояла женщина в синем рабочем жилете. За поясом у неё висела связка ключей с длинными пластмассовыми бирками. — Не находили ключ с жёлтой биркой?

— Нет. А где его могли потерять?

— Если бы знала, не спрашивала бы у всего этажа. — Женщина заметила план в Никиных руках. — Вы тоже ищете выход?

— Смотрю, где что находится. Это помещение на верхнем этаже западного корпуса не обозначено.

— На плане нет даже комнаты уборщицы. А она существует, говорю как её хозяйка. Меня Тамара зовут.

Ника представилась. Тамара оглядела комнату и нахмурилась, увидев горшок на подоконнике.

— Алина опять поставила его над батареей.

— Она хотела, чтобы ему было тепло.

— Ему хочется, чтобы его поливали, а не обсуждали его намерения. Я скажу ей завтра.

Ника предложила помочь с ключом. Тамара сначала отказалась, потом объяснила, что потеряла его между кладовой и постирочной. Ключ открывал шкаф с чистыми простынями, а утром собирались менять бельё. Запасной был у заведующей общежитием, но та уехала к матери и оставила телефон в режиме, который Тамара называла «пусть подождут до рассвета».

Они пошли по коридору. Тамара проверяла места, в которых никогда не стала бы оставлять ключ, и повторяла это с таким возмущением, будто виноват был сам ключ.

— Это уже третий за месяц, — сказала она у лестницы. — Не мой. В самом здании что-то пропадает. То папка, то лампа. Потом выясняется, что папку перенесли в другой шкаф, а лампу кто-то забрал на выставку. Но пока ищешь, всё равно чувствуешь себя виноватой.

— Может быть, стоит записывать перемещения вещей?

— Так для этого и существуют журналы. Только один записывает, другой обещает записать, третий считает, что его это не касается. А потом все спрашивают у меня.

На лестничной площадке стоял высокий шкаф с пожарным шлангом. Краска на дверце отслоилась возле ручки. Внизу, под шкафом, блестела тонкая латунная полоска. Ника присела и протянула руку.

— Осторожно, — сказала Тамара. — Там торчит гвоздь.

Ника достала не ключ, а металлическую табличку длиной с палец. На ней были выбиты цифры «07» и две маленькие точки по краям. С обратной стороны сохранились следы клея, смешанного с серой пылью.

— От чего она?

Тамара взяла табличку и прищурилась.

— От старых шкафчиков, наверное. У нас на первом этаже были ячейки, когда в корпусе ещё работали сотрудники библиотеки. После ремонта их перенесли.

— Куда?

— Часть выбросили, часть отдали в мастерскую. Спросите у Ирины Севериной. Но сначала найдём ключ: табличкой шкаф не откроешь.

Она положила находку на подоконник. Ника обратила внимание на жёлтую нитку, застрявшую в клее. Точно такой же ниткой были прошиты бирки на связке Тамары. Она сказала об этом.

— А ведь правда. — Тамара поднесла табличку к свету. — Значит, валялась рядом со связкой. Но где именно, я не знаю.

Они проверили кладовую, постирочную и столовую на этаже. В постирочной кто-то оставил в стиральной машине тёмный свитер и забыл забрать его. Тамара вынула вещь, положила в таз и прикрепила записку: «Ваша одежда ждёт вас в сухом месте. Не заставляйте её волноваться».

Под столом у стены лежал ключ с жёлтой биркой. Тамара подняла его и вынесла приговор:

— У меня в кармане дыра.

Дыра действительно была. Ника помогла перевязать ключ тонким шнуром и закрепить на большой связке.

— Завтра зашью, — сказала Тамара. — Если забуду, напомните.

Они вернулись к лестнице. На подоконнике лежала табличка. Под ней — сложенный вдвое листок, которого там раньше не было.

Тамара раскрыла его. На листе от руки было написано: «Она не от шкафа. Верните в мастерскую».

— Кто-то видел, как мы её нашли, — сказала Ника.

— Или видел табличку и решил распорядиться. — Тамара перевернула записку. Оборот был чистым. — Забавно. За вещью приехать не поленился, а имени не оставил.

Ника осмотрела площадку. Два коридора уходили в противоположные стороны. В одном горела лампа, в другом свет включался датчиком движения. Сейчас там было темно. Если кто-то прошёл по этому коридору, лампа могла успеть погаснуть, пока они искали ключ.

— Может, записку оставил тот, кто знает про табличку? — спросила она.

— А может, тот, кто любит писать записки. У нас таких больше, чем людей, готовых назвать своё имя.

Ника достала телефон и сделала фотографию листка и таблички. Тамара спросила зачем.

— Чтобы не забыть, как она лежала. Вы ведь всё равно отнесёте её в мастерскую?

— Утром. Сейчас там закрыто.

— А записку?

— Тоже отдам. Вот только не знаю кому. Ирине? Или ей сообщить, что табличку требуют вернуть, а потом дождаться того, кто написал?

Она положила табличку и записку в прозрачный пакет для бельевых бирок, записала дату и время: «14 октября, 21:38». Потом спросила Нику, правильно ли указала место.

— У шкафа с пожарным рукавом, на лестнице третьего этажа, — сказала Ника.

— Вот. Дело сразу выглядит серьёзнее.

Слова были шуткой, но Тамара написала всё аккуратно. Она подписала свою фамилию — Ершова — и добавила: «Нашла студентка Н. Лаврова в моём присутствии».

— Я могу расписаться? — спросила Ника.

— Можете. А можете не расписываться, если не хотите. От этого табличка не исчезнет.

Ника поставила подпись. Было неожиданно приятно, что её спросили. За день институт успел объяснить ей массу правил, но никто, кроме этой женщины, не предложил отказаться от участия в оформлении такой мелочи.

Тамара убрала пакет в карман без дыры.

— До утра никому не рассказывайте, что это ключ от тайной комнаты, — попросила она. — Завтра мне придётся отгонять половину этажа от пожарного шкафа.

— Я не знаю, от чего табличка.

— Хорошее начало для человека в этом институте.

У двери комнаты Ника остановилась. По коридору шёл Илья, неся плоскую коробку под мышкой. На коробке была печать мастерской и надпись «Учебные образцы». Он заметил Тамару.

— Вам от мамы передали, что завтра витрину будут закрывать с другой стороны. Нужно убрать тележку от выхода.

— Сама уберёт, если считает, что у меня нет других дел, — ответила Тамара. — Ключ я нашла, между прочим.

— Поздравляю. Что он скажет в свою защиту?

— Что карман прохудился. Ника его оправдала.

Она показала связку. Илья рассмеялся и уже собирался идти дальше, когда Тамара вспомнила табличку.

— Кстати, вы не знаете, что такое номер семь? Нашли под пожарным шкафом.

Илья взглянул на пакет. Смех исчез с его лица не сразу, а как будто кто-то медленно приглушил свет.

— Где именно?

— На лестнице. Ника достала. Потом появилась записка.

Он прочитал листок через прозрачную плёнку.

— Это не из тех табличек, что стоят на новых шкафах. Материал другой. Но я не уверен.

— Её велят вернуть в мастерскую. Может, вы возьмёте?

— Лучше утром. Пусть мама увидит, где вы её нашли, и сама решит, что с ней делать.

— А вы не спросите, кто написал?

— Спрошу. Если человек хотел, чтобы мы знали, мог бы подписаться.

Илья вернул пакет. Ника заметила, что его пальцы чуть задержались на надписи «07». Он мог узнать номер — или просто удивиться странной находке. Ей хотелось задать вопрос прямо, но Тамара уже звала её помочь передвинуть тележку с бельём.

— До утра никто не воспользуется этой лестницей? — спросила Ника.

— Воспользуется, конечно. Это дорога в постирочную. А что?

— Если табличка упала с двери или шкафа, кто-то может искать её.

— Тогда придёт ко мне. Я не собираюсь прятаться.

Тамара поставила тележку у стены и показала Нике, как закреплять тормоз на колесе. Одно колесо при этом издало пронзительный звук, похожий на короткий звон. Они обе обернулись, потом Тамара фыркнула.

— Вот вам и институтская тайна.

Илья не улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Тот звук другой.

Он произнёс это прежде, чем Ника успела спросить, какой именно. Потом поправил коробку и пожелал им спокойной ночи.

Тамара пошла к постирочной. Ника вернулась в комнату и проверила фотографию. Табличка действительно лежала на подоконнике до появления записки: снимок показывал чистую крашеную поверхность и край её собственной ладони. Она не заметила, что коснулась таблички рукой, прежде чем достать телефон. Значит, на фотографии нельзя было точно установить, где находка лежала изначально. Она добавила к снимку заметку: «До фото табличку подняли с пола и положили на подоконник».

Свет в верхнем окне западного корпуса по-прежнему горел. Ника смотрела на него, пока за стеклом не прошла тень. Человека можно было различить только по движению: он остановился, наклонился и исчез ниже подоконника. Затем свет погас.

Она записала время. Двадцать два двадцать семь. Позже она могла бы спросить у Ильи, кто работает там так поздно. Сейчас единственное, что она знала наверняка, — в комнате кто-то был. Даже это оставалось наблюдением через два ряда стёкол, а не доказательством чьего-либо присутствия.

Ника открыла переписку с Островским и набрала сообщение: «Сегодня я нашла табличку с номером 07. Тамара Ершова утром передаст её в мастерскую. У неё ещё есть записка, оставленная неизвестным человеком».

Она уже собиралась отправить, но перечитала письмо преподавателя. Он не просил её разыскивать таблички и ничего не говорил о седьмом кабинете. Возможно, для него число семь означало то же, что для Тамары, — номер старого шкафчика. Ника стёрла сообщение и оставила только вопрос о времени встречи утром.

В ответ ничего не пришло.

В дверь постучали. Ника быстро убрала телефон.

На пороге стоял Илья с бумажным пакетом.

— Алина попросила передать чай. Я не знал, что вас уже двое. Здесь две чашки и один пакетик.

— Она переоценивает наши возможности.

— Она принесёт второй. Через час или утром, в зависимости от того, с кем разговаривает.

Он поставил пакет на тумбочку и увидел на кровати распечатку письма.

— Вы встречаетесь с Островским?

— Завтра.

— Он что-то говорил про каталог?

Ника замешкалась. Вопрос совпал со вторым сообщением слишком точно.

— Почему вы спрашиваете?

— Я работал с ним в архиве. Он хотел проверить несколько карточек и просил не переставлять ящик А, пока не закончит.

— Вы знаете, что означает А-17?

Илья не ответил сразу.

— Номер фонда. Или место в старой системе. Здесь номера менялись, когда материалы переезжали из одного здания в другое.

— Два фонда могут иметь один номер?

— Могут. В разных описях, в разные годы. Но когда они существуют одновременно, это уже нужно объяснять.

— А вы можете?

Он посмотрел на окно. В саду погас фонарь, и стекло стало зеркалом.

— Нет. Я могу помочь найти записи о перемещении. Если Островский разрешит.

— Почему вы просто не скажете, что знаете?

— Потому что я не уверен, что знаю достаточно. И потому что в этой истории есть люди, о которых вы ещё не слышали.

Его ответ раздражал. Но Ника вспомнила, как сама спрятала папку, когда её ещё ни о чём не спросили.

— Ладно. Я поговорю с ним утром.

Илья кивнул. У двери он остановился.

— Если вы услышите звон, не спускайтесь в архив одна. У южной лестницы выбита ступенька.

— Алина сказала, что это легенда.

— Колокольчик — да. Ступенька — нет.

После его ухода Ника проверила время на телефоне. Двадцать два сорок одна. Сообщения Островского оставались непрочитанными с его стороны: утром она написала, что приехала, и спросила, можно ли встретиться сразу после лекции. Значок доставки не менялся. Возможно, он выключил телефон во время разговора с ректором.

Алина вернулась почти через час — с тем самым вторым пакетиком чая и с двумя яблоками, которые кто-то отдал ей «для новой соседки, если она не обидчивая». Яблоки были сморщенными и немного побитыми.

— Это подарок от моей знакомой с четвёртого этажа, — сказала Алина. — Она хранит фрукты на подоконнике, пока они не начинают похожими на родственников, которых неудобно выгнать. Старается раздавать до этой стадии.

— Я приму их без комментариев.

— Отлично. Она просила честную рецензию завтра к обеду.

Они заварили чай по очереди, поскольку в комнате имелась только одна кружка. Вторая, как выяснилось, стояла у соседей ещё с прошлого семестра. Алина объясняла, что кружку можно вернуть, только когда у соседей никто не спит, никто не готовится к экзамену и они не уехали к родителям; за год эти условия почти ни разу не совпали.

Ника рассказала про Тамару, потерянный ключ и табличку с номером семь. Алина слушала, надкусывая яблоко.

— У нас был похожий номер на двери бельевой, — сказала она. — Пока её не перекрасили. Табличку сняли, а куда положили — никто не помнит.

— Значит, Тамара могла правильно предположить насчёт шкафчика или двери.

— Вполне. Но я не видела её вблизи. На старом номере края были тёмные, потому что сверху всё время протирали и металл блестел. Если хочешь, спроси у Тамары, можно ли посмотреть завтра.

— Я её уже сфотографировала.

— Отлично. Это серьёзное дело. Нам предстоит отличить номер бельевой от номера другого шкафа.

— Ты смеёшься.

— Немного. Ты сегодня приехала, а уже успела поучаствовать в поисках ключа и документации находки. Обычно на это требуется неделя.

Ника показала фотографию. Алина приблизила изображение и покачала головой.

— Не могу сказать. У номера на бельевой, по-моему, была трещина возле крепления. Но возможно, я путаю его с табличкой на двери прачечной.

— Ладно. Тамара обещала отнести в мастерскую.

— Тогда завтра и узнаем. — Алина положила телефон на стол. — А ты почему приехала именно сюда? Только не говори «потому что здесь хорошие преподаватели». У нас каждый так говорит на собрании первокурсников, а потом выясняется, что кому-то нравится сад, кому-то стипендия, а кто-то ищет работу рядом с домом.

Ника взяла яблоко. Она знала, что Алине можно сказать часть правды и не объяснять остальное. Но привычка выбирать безопасную часть иногда оставляла от разговора только пустую оболочку.

— Здесь когда-то учился мой брат. Он исчез десять лет назад.

Алина перестала жевать. Положила яблоко на бумажную салфетку и подождала, пока Ника продолжит. Та не продолжила.

— Прости, — сказала Алина. — Я не знаю, что спросить так, чтобы это не прозвучало как любопытство.

— Можно ничего не спрашивать.

— Хорошо. Если захочешь рассказать, я послушаю. И не буду записывать.

Они сидели молча. С лестницы доносился звон посуды: кто-то готовил поздний ужин на общей кухне. Затем за дверью пронеслись быстрые шаги, и несколько человек закричали одновременно. Ника не сразу разобрала слова. Алина поднялась первой.

— Кажется, что-то случилось на четвёртом этаже.

Они вышли в коридор. Из открытой двери напротив выбежала девушка в полосатой футболке, держа телефон и полотенце.

— На кухне дым, — сказала она. — Тамара просит всех выйти к лестнице и не открывать окна в коридоре.

— Пожар? — спросила Ника.

— Я не знаю. Чайник, кажется, загорелся. Тамара уже вызвала охрану.

Ника почувствовала, как резко начинает биться сердце. Она не видела огня и не знала, насколько всё серьёзно, но слово «дым» требовало действия. Она накинула куртку, взяла телефон и помогла Алине закрыть окно в комнате. Фикус остался на подоконнике, хрупкий и нелепый; Ника почему-то убедилась, что он не стоит слишком близко к занавеске.

На лестнице собирались жильцы. Одни вышли в пальто, другие в домашних тапочках. Тамара стояла у двери четвёртого этажа и отмечала комнаты на листке.

— Не спускайтесь по западному переходу, — повторяла она. — Идите через вестибюль. Если кто-то не вышел из комнаты, скажите номер.

Студент в синем свитере сообщил, что его соседка на смене, а ещё одна дверь закрыта изнутри и никто не отвечает. Тамара попросила дежурного проверить. Девушка с полотенцем заметила, что часть людей стоит слишком близко к лестнице, и предложила перейти к входу. Разговоры стали громкими, но паники не было: все делали то, что понимали, и мешали друг другу немного меньше с каждой минутой.

В вестибюле пахло мокрыми листьями и чем-то горелым. Охранник открыл обе створки двери. На улице было холоднее, чем казалось из окна, а мелкий дождь сразу намочил волосы тем, кто вышел без капюшона. Ника стояла под карнизом с Алиной и Тамарой, которая продолжала сверять список комнат.

— Тридцать четыре, — сказала Алина. — Обе здесь.

Тамара поставила две отметки.

— С фикусом не вышли?

— Он отказался покидать пост.

— Как вернётесь, передайте ему благодарность от администрации.

У ворот остановилась служебная машина. Из неё вышли двое с фонарями и огнетушителем. Один быстро поднялся наверх вместе с охранником, второй спросил Тамару, где находится электрический щиток. Она объяснила, а потом попросила студента в свитере проводить его: сама должна была закончить список.

— Я не уверена насчёт сорок восьмой, — сказала она. — Там сегодня должна была приехать новая девочка, но я не видела её после обеда.

— Я видела, — отозвалась девушка с полотенцем. — Она ушла на вокзал встречать подругу и обещала вернуться поздно. Могу позвонить.

Она набрала номер и включила громкую связь. Из телефона донёсся шум улицы и недовольный голос:

— Я у касс. Что вы все мне пишете?

— У нас дым на кухне. Ты точно не в комнате?

— Нет. Мы с подругой стоим под крышей и ждём автобус. Мне ехать обратно?

— Подожди, пока проверят. Напишем.

Девушка с полотенцем показала Тамаре экран. Та поставила возле сорок восьмой отметку «на связи, вне здания».

Ника заметила Илью у проходной. Он говорил с охранницей и держал в руке коробку, которую раньше нёс под мышкой. Когда он увидел Нику, подошёл.

— Вы вышли без вещей? — спросил он.

— Телефон, документы и куртка. Папка в комнате.

— У меня тоже материалы в мастерской. Охранник сказал ждать здесь.

— Вы что-то спасали?

— Нет. Нёс коробку домой. Теперь она просто со мной.

Он поставил коробку на сухую часть ступеньки. На этот раз Ника прочитала подпись полностью: «Учебные образцы. Не открывать без преподавателя». Рядом стояла дата прошлого семестра.

— Там могут быть ценные документы?

— Образцы бумаги и клея. Их используют для занятий. Если намокнут, придётся делать новые.

— Вы сказали, что ваш отец занимался вентиляцией?

Илья резко поднял глаза. Ника поняла, что перепутала: он ещё не говорил ей об отце. Она увидела фамилию Северин на старом плане в проходной, где рядом был список инженеров, и поспешила построить вопрос так, будто уже знает семейную связь.

— Простите. Я видела эту фамилию на плане. Возможно, это не ваш родственник.

— Мой отец. Но на плане много фамилий, и Северин — не самая редкая. — Он поправил коробку ногой. — Вы всегда так быстро переходите от совпадения к вопросу?

— Когда не уверена, предпочитаю спросить.

— Можно было сначала сказать, откуда у вас имя.

Ника почувствовала, как горячо становится лицу, хотя стояла под холодным дождём. Она уже сказала ему, что видела фамилию. Но он был прав: вопрос прозвучал так, словно она знала больше.

— Я не хотела представить догадку как факт. Получилось именно это.

Илья не ответил сразу. На ступеньки вышел охранник и сообщил, что причина дыма найдена: в кухонном удлинителе оплавился контакт, возгорание локальное, помещение проветрят и проверят электрику. Возвращаться в комнаты можно будет после осмотра лестницы.

Тамара попросила его повторить погромче. Охранник так и сделал, добавив, что пользоваться кухней сегодня нельзя. Кто-то разочарованно простонал: на плите оставались макароны. Тамара обещала проверить, можно ли их забрать после разрешения.

— У каждого свои потери, — сказала Алина.

— И макароны тоже имеют значение, когда ты не ужинала.

Они стали обходить людей с вопросом, кому нужны вода или тёплое место. В проходной не хватало стульев, поэтому студент в синем свитере принёс две скамьи из вестибюля. Одна ножка у скамьи шаталась. Илья нашёл кусок картона, сложил его и подложил под ножку. Ника придержала скамью с другой стороны.

— Я действительно не люблю, когда за меня делают выводы, — сказал он, не поднимая головы. — Особенно о моей семье.

— Я тоже. Поэтому стоило спросить иначе.

— Спасибо.

Она ожидала продолжения и почти приготовила собственное. Но Илья проверил скамью, сел на край и весом испытал ножку. Скамья устояла.

— Если скажу, что она теперь безопасна, а она сломается, это будет на моей совести, — заметил он.

— Можно сказать, что она выдержала одного вас.

— Это уже точнее.

К проходной подошла Тамара. У неё в руках был пакет с табличкой и запиской. Ника спросила, почему она взяла его с собой.

— Лежал в кармане, когда мы услышали шум. Я же не стала сортировать карманы во время эвакуации. Заодно отдам Ирине, если она ещё в корпусе.

— Мама ушла домой, — сказал Илья. — Но я могу передать утром.

Тамара задумалась и покачала головой:

— Я сама нашла и сама передам. Не потому, что тебе не доверяю. Если спросят, где лежало, лучше отвечать человеку, который видел.

— Справедливо.

Ника заметила, что Илья не стал обижаться на отказ. Её удивило, как легко этот разговор прошёл после их собственного недоразумения. Возможно, разница была в том, что Тамара сразу объяснила причину.

Студентка с четвёртого этажа пыталась сосчитать, кто из соседей ещё на улице. У неё в руке дрожала ручка. Алина подошла и предложила сверить имена по комнатам.

— Я могу сама, — ответила девушка.

— Можешь. А я могу прочитать список вслух, пока ты отмечаешь. Тогда быстрее.

Та согласилась. Ника смотрела, как они работают: Алина называла номер комнаты, девушка проверяла, кто стоит рядом, и не вписывала тех, кого видела только накануне. Когда одна фамилия не нашлась, Тамара позвонила охраннику. Тот сказал, что студент ещё днём выехал домой и записался в журнале.

— Вот, — произнесла девушка и наконец опустила ручку. — Я боялась, что пропустила его.

— Ты не пропустила. Ты нашла строку, которая не сходилась, и проверила, — сказала Алина.

Ника вспомнила, как сама хотела проверить номер на карточке ещё до встречи с Островским. Разница была в том, что здесь у списка существовала практическая цель: убедиться, что никто не остался внутри. Не каждый несовпавший номер скрывал чью-то тайну. Иногда он просто указывал на человека, уехавшего домой.

Вернуться разрешили через сорок минут. Коридор четвёртого этажа ещё пах дымом, но дверь кухни закрыли и опечатали до осмотра электрика. По пути наверх Тамара повторяла, чтобы никто не подключал чайники в комнатах: в общежитии уже один раз заменяли проводку, и ей не хотелось участвовать во второй кампании по убеждению жильцов.

— Мы хотим пить чай, — возразила Алина.

— А я хочу, чтобы у вас осталось общежитие. Сегодня нам придётся расставить приоритеты.

На третьем этаже Ника остановилась возле шкафа с пожарным рукавом. Подоконник был пуст. Капли на нём высохли неравномерно, оставив бледные круги. Она посмотрела на них и вспомнила, что на снимке табличка лежит уже не там, где её нашли. Если завтра Ирина станет расспрашивать, нужно будет объяснить это сразу.

Алина остановилась рядом.

— Ты думаешь о табличке?

— О том, как легко фото может выглядеть точнее, чем память.

— Значит, хорошо, что Тамара записала обстоятельства.

— Я добавила заметку к фотографии.

— Тем более.

Они вернулись в комнату. Внутри было прохладно; пока их не было, окно успело затянуться мелкими каплями. Алина включила настольную лампу и обнаружила, что оставила яблоко на раскрытой тетради. На странице остался круглый мокрый след.

— Вот настоящее преступление сегодняшнего вечера.

Ника помогла подложить лист бумаги. Они осторожно промокнули страницу. Несколько строк удалось сохранить, но одна буква расплылась.

— Ты помнишь, что там было? — спросила Ника.

— Там было «среда». Я записала встречу с руководителем.

— Теперь написано «сре...а».

— Придётся признать, что документ повреждён. И отдельно сообщить руководителю, что встреча всё равно в среду.

Они засмеялись. На этот раз Ника не стала думать, насколько этот смех уместен после разговора о брате и запаха дыма. Человек может испугаться, потом отмыть руки и засмеяться над яблоком, не переставая серьёзно относиться к тому, что произошло.

Алина позвонила подруге с четвёртого этажа, сообщила, что все вернулись в комнаты, и уточнила, где можно взять чистую кружку. Подруга предложила принести её утром. Так вторая чашка снова отложилась до завтра.

Ника разложила документы на столе. Папка с семейными копиями была цела; она проверила её слишком тщательно и заставила себя застегнуть молнию. Затем поставила будильник на восемь. Встреча с Островским назначена на девять, до архива пять минут пешком. Даже если она заблудится, времени хватит.

У окна напротив больше не горел свет. Во дворе дежурный обходил здание, направляя фонарь под окна кухни. Луч скользнул по мокрому кусту, задержался на скамье и пропал за деревьями. Ника посмотрела на часы: до полуночи оставалось несколько минут.

— Если ночью снова что-то случится, разбуди меня, — сказала Алина.

— Разбужу.

— Даже если это покажется мелочью.

— Хорошо.

Алина легла первой. Ника проверила, что телефон заряжается, и выключила лампу. В темноте разговоры за стеной постепенно стихли. Где-то внизу захлопнулась дверь проходной. Всё было достаточно спокойно, чтобы она наконец легла спать.

Глубокой ночью Ника проснулась от металлического удара. Не звонка — скорее чего-то тяжёлого, задетого краем. Она приподнялась и прислушалась. Алина спала, отвернувшись к стене. Из коридора не доносилось ничего.

Ника проверила телефон. Два часа шестнадцать минут.

Через минуту удар повторился, слабее. Потом прозвенел колокольчик — один раз, далеко, будто по ту сторону нескольких закрытых дверей. Она надела тапочки и подошла к комнате Алины, но та не проснулась. Ника вернулась к своей кровати. Она приехала сюда не для того, чтобы в первую ночь бегать по лестницам за звуками, которых не могла объяснить.

Утром на лестнице архива нашли тело Данила Островского.

Глава 3. лестница

Нику разбудил голос Алины. Та говорила по телефону у окна, сжимая провод зарядки так сильно, что кабель перекрутился.

— Подожди. Кто его нашёл? Нет, не говори пока в общий чат. Я сейчас узнаю.

Она отключила вызов и повернулась. У неё было такое лицо, что Ника сначала подумала о пожаре.

— Островский умер. Его обнаружили у архивной лестницы. Охранник увидел утром, когда открывал корпус.

Ника села. За окном сад был ровного серого цвета, словно ночь не закончилась, а только научилась выглядеть как утро.

— Ты уверена?

— Позвонила женщина с проходной. Она просила меня предупредить тех, кто должен был прийти на семинар. Там сейчас полиция.

Ника потянулась к телефону. На экране по-прежнему светилось её вчерашнее сообщение. Ни ответа, ни отметки о прочтении.

— Мы же видели его вечером.

— Да.

Алина села на край кровати. Это «да» ничего не разъясняло, но именно поэтому Ника смогла ему поверить. Никто пока не пытался придумать правильную версию того, что случилось.

В коридоре уже стояли люди. Кто-то говорил шёпотом, кто-то — слишком громко. На двери в восточное крыло наклеили лист: «Проход в архив временно закрыт». Чернила ещё блестели.

У лестницы первого этажа их остановил мужчина в гражданской куртке. Он записывал имена в маленький блокнот.

— Кто был на лекции вчера?

Обе подняли руки.

— Оставайтесь здесь. Вас попросят рассказать, когда освободится следователь.

Алина хотела уточнить, что значит «умер», но замолчала, увидев внизу Ирину Северину. Женщина сидела на стуле у стены, держа на коленях руки. Илья стоял рядом. Он принёс ей пальто, хотя на ней уже был тёплый свитер; она не взяла пальто и не отодвинула его, так что ткань сползала к полу.

Ника подошла.

— Его нашли утром?

Илья поднял голову.

— Да. Мама открывала мастерскую. Охранник уже вызвал скорую.

— А ночью кто-нибудь был здесь?

— Я не знаю.

Ирина наконец взяла пальто и положила рядом.

— Не отвечай за весь институт, — сказала она сыну. — Ты ушёл после одиннадцати.

— А ты?

— Позже. Я закрывала вытяжку в мастерской.

Он посмотрел на неё так, словно хотел задать ещё один вопрос, но она отвернулась к лестнице.

Нику позвали в маленькую переговорную, где обычно выдавали пропуска на работу с рукописями. Теперь на столе лежали блокнот, диктофон и бутылка воды. Следователь пред-

ставилась капитаном Кирой Матвеевой. Волосы у неё были собраны наспех, под глазами виднелись следы усталости. Она попросила Нику рассказать про вечер, не перебивая.

Ника описала лекцию, номер А-17, мужчину у двери, разговор Островского с ректором и обещанную встречу. Затем сказала о ночном звуке.

— Во сколько? — спросила Матвеева.

— Я посмотрела на телефон в два шестнадцать. Звук был незадолго до этого. Потом ещё один и звон колокольчика.

— Вы видели источник?

— Нет. Я не выходила из комнаты.

— Сообщали кому-нибудь?

— Нет. Мне сказали, что здесь шумят трубы.

Матвеева записала. Ника старалась следить за пером, но строки складывались в чужую стенографию.

— Вы уже общались с преподавателем до приезда?

— Да. Он написал мне про архивное дело. Можно я покажу?

Следователь внимательно прочла переписку, попросила переслать письма и дала визитку. Ника отправила оба сообщения. Когда она дошла до фотографии конверта Андрея, остановилась.

— Это связано с вашим братом? — спросила Матвеева.

— Возможно. Он учился здесь и исчез десять лет назад. Островский знал мою фамилию и упомянул мать. Я не знаю, зачем.

— Вы обращались в полицию тогда?

— Родители обращались. Мне было двенадцать; подробностей я не знаю. У меня есть номер заявления в семейной папке.

— Пришлите, если найдёте. И пожалуйста, не обращайтесь к людям, которые могли бы быть свидетелями по обоим событиям, с просьбой согласовать версии. Спрашивать о своих вещах можно. Но важно, чтобы мы услышали их воспоминания без чужих подсказок.

— Вы считаете, что его убили?

— Я считаю, что сейчас рано давать ответ. Мы проверяем обстоятельства смерти. Не сообщайте догадки как установленный факт.

— Вы скажете, что с ним случилось?

— Когда смогу и в пределах того, что могу сообщить. Сегодня я могу обещать только, что ваши слова не исчезнут из записи.

Матвеева показала ей написанное. Ника прочла, поправила одну неточность: ректор подошёл ближе, но не прикасался к Островскому. Следователь вычеркнула слово «отвёл» и написала «предложил выйти». Потом попросила подписать.

Матвеева попросила Нику подождать в соседней аудитории: следователь хотела уточнить время лекции и сверить его с расписанием, которое принесут из учебной части. Там уже сидели трое студентов. Один раскачивался на стуле, другой чертил в блокноте одинаковые прямоугольники, третья — девушка с коротко остриженными волосами — держала на коленях шарф и теребила бахрому.

Ника узнала её по лекции: она сидела в заднем ряду и спросила, когда вернут вторую опись.

— Я Ника, — сказала она.

— Катя Мелентьева. Мы вчера почти не разговаривали.

Девушка указала на пустой стул. Ника села. Она не понимала, зачем Матвеевой ещё один разговор с ними всеми, но вопрос быстро прояснился: следователь вошла с листом расписания и попросила каждого отдельно назвать время, когда тот пришёл и ушёл. Ника рассказала о прибытии после шести. Катя сказала, что была в аудитории с самого начала.

— Вы записывали лекцию? — спросила Матвеева.

— Нет. Островский попросил не включать диктофоны. Сказал, что некоторые материалы ещё не проверены.

— А конспект сохранился?

Катя достала тетрадь и раскрыла на странице с загнутым уголком. На полях стояли стрелки и короткие фразы. Матвеева сфотографировала два разворота с её разрешения и вернула тетрадь.

— Можно я добавлю? — спросила Катя, когда следователь уже закрыла папку. — Перед началом к нему подошла женщина и попросила заменить один слайд. Я сидела близко к проходу и слышала, что она говорила о правах на изображение.

— Вы знаете её?

— По лицу. Сотрудница музея, который передал часть документов. Но я не знаю имени. Она ушла до лекции.

— Во сколько?

Катя посмотрела на часы, хотя те не могли подсказать ответ о вчерашнем вечере.

— За пять минут до начала. Или за десять. Не хочу придумывать точнее.

Матвеева записала, что время приблизительное, и попросила её позже прислать контакты музея, если они указаны в программе. Ника заметила, как Катя выдохнула после слов «приблизительное»: будто боялась, что ошибку в пять минут посчитают обманом.

После опроса Катя вышла вместе с Никой. У двери она остановилась и открыла тетрадь на другой странице.

— Ты ведь пришла ближе к концу. Островский успел объяснить, зачем ему вторая опись?

— Нет. Сказал, что сравнит, когда её вернут.

— Я записала его первую часть. Можешь посмотреть. Только, пожалуйста, не фотографируй имена на следующей странице. Там номер моей мамы и лекарства, которые ей привезти.

Ника взяла тетрадь. Почерк Кати был неровным, но мысли записаны точно. Островский рассказывал, как фонд проходит через несколько систем учёта: сначала временный номер при поступлении, потом постоянный после описания, затем возможную переиндексацию при переезде. Одна и та же папка могла менять номер, но в регистрационной цепочке должны были сохраниться ссылки на предыдущие обозначения. Если две папки одновременно фигурируют под одной отметкой, нужно проверить журналы поступления и выдачи, а не заключать сразу, что одна поддельная.

— Он именно так сказал? — спросила Ника.

— Про подделку — да. Остальное я могла сократить. Вот здесь я поставила вопросительный знак, потому что не успела услышать последнее слово.

Ника прочла строчку: «Иногда пустая графа важнее подписи, потому что…» Дальше стоял вопросительный знак.

— Ты не помнишь продолжение?

— Он сказал что-то про обязанность заполнять графы. А потом показал пример с передачей. Кажется, если графа пуста, нужно выяснить, была ли она обязательной в тот год. Но я не ручаюсь.

Они подошли к окну. Во дворе медленно ехала машина доставки; водитель осторожно маневрировал между учебным корпусом и садом. Катя прикрыла телефон ладонью и написала матери, что задержится.

— Я должна была утром ехать домой, — сказала она. — Теперь не знаю, когда отпустят.

— Следователь сказала, что выезд согласуют, если у тебя есть адрес и телефон.

— Я не из-за разрешения. Мама не любит, когда я говорю по телефону, что всё хорошо, а потом выясняется обратное. Она сразу слышит.

Катя подняла глаза на Нику.

— Ты ведь разговаривала с Островским после лекции?

— Да.

— А он не говорил, что у него есть вторая опись?

— Нет. Сказал, что ждёт её возвращения. Почему?

— Просто я видела, как он после лекции положил в папку два листа. Один был с печатью, второй — обычный. Подумала, может, опись уже вернули.

— Это могли быть любые листы.

— Конечно. Поэтому я не сказала Матвеевой. Не хочу заполнять чужие пустые графы своими догадками.

Ника посмотрела в сторону переговорной.

— Ты можешь сообщить только то, что видела: два листа, один с печатью. Без названия. Вдруг следователю это пригодится.

Катя колебалась. Затем вернулась и попросила полицейского передать Матвеевой, что вспомнила деталь. Он записал её фамилию и предложил подождать. Ника тоже осталась.

Ожидание затянулось. Из учебной части принесли коробку с программами лекций, кто-то вносил в журнал пропуска, преподавательница просила разрешить студентам забрать из аудитории свои вещи. Катя сидела на подоконнике, держа тетрадь обеими руками. Ника вспомнила, как сама готовила вопросы для встречи с Островским: ей казалось, что если она найдёт правильную формулировку, то обязательно получит ответ. Теперь вокруг было множество людей, которые знали по одной детали и боялись, что их детали никому не нужны.

Матвеева вышла через пятнадцать минут.

— Два листа, говорите?

Катя повторила, что видела. Следователь уточнила размер листов, цвет папки и расстояние до стола. На вопрос, могла ли печать быть на внутренней стороне обложки, Катя честно сказала, что не уверена.

— Спасибо. Это нужно нам именно как наблюдение, — ответила Матвеева. — Если вспомните что-то ещё, запишите, когда вспомнили, и свяжитесь со мной. И не обсуждайте между собой, как должно было быть.

Катя закрыла тетрадь.

— Я могу ехать домой?

— Да. Оставьте актуальный телефон и адрес, где будете ближайшие дни.

Пока она записывала адрес, Ника увидела через открытую дверь, как мужчина с ноутбуком показывает Матвеевой фотографию. На снимке была папка Островского, раскрытая на столе. Дальше она не рассмотрела. Следователь прикрыла дверь, и Ника отвела взгляд. Ей не хотелось, чтобы однажды кто-то так же заглянул в её папку, когда она не сможет спросить зачем.

Катя поблагодарила её за совет.

— Ты умеешь не решать за других, что они должны рассказывать, — сказала она.

Ника подумала о матери и чуть не ответила, что сама ненавидит, когда за неё решают. Но Катя уже торопилась собирать вещи. Они обменялись телефонами для учебных вопросов. Ника не попросила конспект целиком: это была чужая работа, и её собственное расследование не давало ей права пользоваться ею без границ.

Когда Катя ушла, Ника обнаружила у окна знакомую тёмную сумку. Илья оставил её на полу и говорил с Ириной. Они стояли так, что слышны были только отдельные слова. «Не я», — сказала Ирина. Потом: «Ты должен был спросить». Илья ответил слишком тихо, чтобы различить фразу.

Ника отвернулась. Через несколько секунд Ирина прошла мимо, не взглянув на неё. Илья поднял сумку и увидел Нику.

— Вас ещё держат?

— Уже нет. Катя вспомнила деталь и сообщала Матвеевой.

— Хорошо.

— Вы с мамой спорили из-за папки?

Илья не стал отрицать.

— Из-за того, что я не забрал её вчера. Она считает, что я увидел её просьбу как приказ и нарочно сделал наоборот.

— Так и было?

Он оглянулся на пустой коридор.

— Отчасти. Мы привыкли спорить не о том, о чём говорим. Папка была учебной, но в ней лежала копия журнала. Я хотел узнать, почему она попросила его забрать именно вчера. А вместо этого сделал вид, что защищаю правила от собственной матери.

— Она ответила?

— Сказала, что Островский просил журнал ещё на прошлой неделе. Она хотела проверить, где он, прежде чем отдать. Но вчера не сказала этого сразу, потому что злилась: я снова оставил папку в коридоре мастерской.

Ника подумала о том, как легко в её памяти его отказ превратился в подозрительный знак. Возможно, он оставался важным. Возможно, означал обычную семейную ссору, которая позже приобрела зловещий вид только из-за смерти Островского.

— Вы рассказали это Матвеевой?

— Да. И о том, что мама попросила журнал. Она поговорит с ней сама.

Илья поднял сумку на плечо. Из открытого кармана выглядывал конверт с образцами бумаги.

— Вечером читальный зал открывают. Каталог тоже. Если вы всё ещё хотите посмотреть карточки, я буду там после разговора с матерью.

— Вы сказали, что поговорили.

— Спор и разговор — разные вещи. Мне нужно попробовать второе.

Он ушёл к мастерской. Ника осталась у окна. На стекле темнело отражение пустого двора. Человек, который сегодня утром нашёл тело Островского, ещё должен был продолжать жить здесь, проходить через те же двери и видеть эту лестницу. Она не знала его имени. Это раздражало: легче было представить архив как загадку из цифр и карточек, чем как место, где отдельные люди получили травму и теперь отвечали на вопросы о своей обычной работе.

Ника достала блокнот и записала под сегодняшней датой три наблюдения: время своего прибытия на лекцию; слова Островского об А-17; факт, что Катя видела два листа, но не знает их содержания. Рядом с последней строкой поставила знак вопроса и подчеркнула его. Ей хотелось, чтобы у каждого утверждения оставался видимый край — место, после которого начиналось то, чего она пока не знает.

В коридоре Алина говорила с женщиной в тёмном костюме. Та слушала её, держа под мышкой папку. Нике понадобилось несколько секунд, чтобы узнать Варвару Ланскую, руководительницу архива: на сайте её фотографировали перед рядами одинаковых коробок, а здесь она казалась меньше, чем пространство вокруг неё.

— Мы должны составить список людей, которым нужны материалы Островского для учёбы, — сказала Ланская. — Ключи от архива временно у полиции. Никто не останется без доступа к своим работам, когда они закончат осмотр.

Алина спросила:

— Его лекция была про две описи. Одна не совпадала с другой?

— Он изучал несколько версий. Я не могу обсуждать их содержание до окончания проверки.

Ланская заметила Нику.

— Вы Лаврова? Данил говорил, что ждёт вас.

— Он нашёл что-то о моём брате?

— Я знаю только, что он заинтересовался вашим заявлением. Остальное вам должны сообщить следователи, если сочтут нужным.

Она говорила без раздражения, но смотрела на часы чаще, чем на собеседниц. Когда по лестнице поднялся Воронцов, Ланская сразу положила папку на стол.

Ректор остановился у листа о закрытии архива и поправил нижний угол. Лист и без того висел ровно.

— Занятия сегодня отменены до обеда, — объявил он. — Пожалуйста, вернитесь в комнаты или библиотеку. Мы делаем всё необходимое.

— Что именно? — спросила Алина.

— Содействуем проверке.

— Вы говорили с ним вчера последним?

— Я не знаю, кто говорил с ним последним. Пожалуйста, не распространяйте неподтверждённую информацию.

Ника увидела, как Воронцов на мгновение посмотрел на Ланскую. Она тоже заметила взгляд и опустила руку с папки. Движение было таким маленьким, что Ника не смогла бы точно рассказать о нём следователю. Но она запомнила.

Воронцов вышел через дверь ректората. Несколько студентов ещё стояли у лестницы, ожидая, что он вернётся с более определённым объявлением. Ланская убрала папку в сумку и присела на край скамьи. Ника не сразу заметила, что профессор дрожит: пальцы на замке сумки двигались так осторожно, будто металл мог рассыпаться.

Алина отошла к стойке за водой. Вернулась с бумажным стаканом и протянула Ланской. Та посмотрела на него, словно не поняла, что ей предлагают, потом взяла обеими руками.

— Благодарю. Вы были его студенткой?

— Да. Я записываю устные истории. Он помогал мне с методикой.

— Хороший преподаватель.

Ланская произнесла это в прошедшем времени и закрыла глаза. В аудитории за стеной кто-то стал двигать стул, и скрип показался Нике неуместно громким. Она подумала, что отныне все привычные звуки здесь будут сталкиваться с новым знанием, пока люди не научатся жить в том же здании без одного человека.

Из дверей лестницы вышла девушка в длинном сером шарфе. Она держала на груди картонную папку без резинки и озиралась так растерянно, что Ника сначала приняла её за первокурсницу. Девушка заметила Ланскую и быстро подошла.

— Варвара Михайловна, я не могу найти свои тетради.

— Где вы их оставили?

— Вчера в аудитории. Данил Сергеевич просил принести конспекты, чтобы помочь мне выбрать тему. Я положила их у стены, а после лекции... — Она осеклась. — После лекции меня вызвали домой. Я вернулась утром, но кабинет закрыт, и мне сказали, что ничего брать нельзя.

— Как вас зовут? — спросила Ланская.

— Соня Белова. Вторая группа, магистратура. В тетради вклеены письма моей бабушки. Оригиналы. Я знаю, что так нельзя, но я не думала, что оставлю их.

Последние слова прозвучали почти как признание. Ланская поставила стакан на скамью.

— Не будем сейчас ругать вас за тетрадь. Вы можете описать её?

— Зелёная обложка, на углу наклейка с номером группы. Внутри конверт с четырьмя письмами и ещё один без подписи. Я могу показать фотографию.

Она достала телефон. На снимке тетрадь лежала на столе рядом с чашкой. Номер группы действительно был виден, но зелёный цвет при искусственном свете казался почти чёрным.

— А письма на снимке есть? — спросила Ника.

— Только конверт. Я фотографировала, чтобы отправить маме: она просила показать, как я их храню.

Соня произнесла это с такой обречённостью, что Нике стало ясно: матери она ещё не рассказала о потере.

— Пойдём к следователю, — сказала Ланская. — Если тетрадь осталась в аудитории, её увидят во время осмотра. Если кто-то забрал по ошибке, мы уточним у тех, кто убирал помещение. Но сами заходить не станем.

Они дошли до двери переговорной. Матвеева была занята; мужчина с ноутбуком предложил записать Соню на отдельный опрос. Ланская объяснила ситуацию и передала описание. Мужчина спросил, где именно стояла папка с тетрадью и кто ещё мог её видеть. Соня ответила, что положила её возле батареи в последнем ряду, а потом пересела ближе к выходу, потому что Островский обещал показать слайд с мелким текстом.

— Рядом сидели другие люди? — спросил он.

— Двое. Катя Мелентьева и студент с нашего курса, Артём. Но я не знаю, видели ли они мои тетради.

Ника узнала имя Кати. Та уже рассказывала Матвеевой о двух листах в папке Островского. Ника не стала говорить об этом: чужое наблюдение следователь уже записала, и она не хотела вмешиваться в объяснение Сони.

— Кто-нибудь подходил к вашим вещам после лекции?

— Я видела, что Катя встала и убрала свою куртку со спинки стула. А потом мне позвонила мама, и я вышла. Телефон сел, я забыла про папку. Весь вечер думала только о бабушке.

— С бабушкой всё в порядке? — спросила Ланская.

— Сейчас да. Её оставили в больнице на обследование. Я ещё не успела сказать про письма.

Мужчина с ноутбуком записал её телефон и попросил прислать фотографию тетради. Он сказал, что проверит, что обнаружили в аудитории, и предупредил: если материалы изъяты для осмотра, вернуть их сразу может быть невозможно.

Соня села на свободный стул. Ланская осталась рядом, хотя ей уже дважды звонили. Ника хотела уйти, но Алина коснулась её локтя.

— Я могу спросить у Кати, не брала ли она тетрадь по ошибке, — тихо сказала она.

— Следователь просила не обсуждать показания и не подсказывать друг другу версии.

— Спросить о вещи — не то же самое, что обсуждать показания.

— Возможно. Но я не знаю, где граница. Лучше уточнить у них.

Алина пошла к столу и спросила. Ей ответили, что Соня может сама обратиться к Кате по поводу своих вещей, а разговоры о том, кто где находился и что видел в аудитории, лучше оставить следствию. Соня сразу написала Кате: «Не оказалась ли у тебя зелёная тетрадь? Внутри мои семейные письма». Ответ пришёл быстро: «Нет. Я положила свои записи в рюкзак и ушла. Если увижу у кого-то из группы, скажу».

— Теперь нужно ждать, — сказала Соня.

Она сжала телефон. Через минуту открыла фотографию ещё раз, потом свернула и снова открыла. Ника узнала это движение: вчера она так же увеличивала снимок конверта Андрея, будто при достаточном терпении фотография сможет показать то, чего на ней нет.

— Вы пришли сюда с письмами, чтобы выбрать тему? — спросила Ника.

— Я хотела изучать семейные архивы работников типографии. Моя бабушка собирала письма своего отца. Там не знаменитые люди и нет великих событий. Но Данил Сергеевич сказал, что можно проследить, как менялись семейные адреса и работа. Я боялась, что это никому не интересно.

— А теперь?

— Теперь боюсь другого: что я принесла их в место, где не смогла сохранить.

Ланская повернулась к ней:

— Пока мы не знаем, где тетрадь. Но даже если с письмами что-то случилось, ошибка не отменяет того, зачем вы хотели с ними работать.

Соня слабо улыбнулась. Потом спросила, могла ли профессор поручить кому-то найти тетрадь. Ланская ответила, что может проверить журнал уборки и выяснить, кто отвечал за аудиторию, но сначала сообщит об этом Матвеевой. Соня согласилась.

Пока они ждали, в коридоре началось другое беспокойство. Двое студентов спорили из-за сообщения в общем чате. Один утверждал, что архив закроют до конца семестра; другая прочла объявление на двери и говорила, что речь идёт о временном ограничении. Спор привлёк ещё нескольких человек. Кто-то переслал скриншот из канала, где под фотографией института значилось: «Документы исчезнувшего студента изъяты после загадочной смерти преподавателя».

Ника узнала фамилию брата в подписи. Автор сообщения связал две истории так, будто уже знал о причине смерти Островского. Ни источника, ни ссылки на полицию, ни комментария семьи там не было.

— Кто это опубликовал? — спросила она.

Студентка показала название городского канала. Ника не слышала о нём, но подписчиков оказалось достаточно, чтобы фотография быстро вышла за пределы института. Она открыла личную почту: там уже лежало письмо от незнакомого автора с темой «Можно задать несколько вопросов о вашем брате?»

Пальцы сами набрали ответ: «Откуда вы взяли нашу фамилию?» Ника не отправила. Она не знала, тот ли это автор, кто разместил сообщение. Возможно, письмо было написано добросовестно. Возможно, его отправили в надежде получить подтверждение слуху.

Алина посмотрела на экран.

— Хочешь, я отвечу, что ты сейчас не готова разговаривать?

— Нет. Это мой адрес.

— Хорошо. Могу просто посидеть рядом.

Ника села на подоконник. Она открыла страницу канала и нашла кнопку для связи с редактором. Написала: «В публикации названа моя фамилия и сделано утверждение о связи исчезновения брата со смертью преподавателя. Такая связь мне не известна и не подтверждена публичной информацией следствия. Пожалуйста, сообщите источник утверждения и исправьте формулировку». Она не требовала удалить любое упоминание: не знала, что именно может требовать. Но просила отличить событие от предположения.

Ответ пришёл через пять минут: «Мы проверяем информацию. Откуда вы знаете, что связи нет?»

Ника перечитала вопрос. Он менял смысл её сообщения: она не утверждала, что связи нет. Она написала: «Я этого не знаю. Но отсутствие знания не делает связь установленной». На этот раз ответ не пришёл.

Соня, сидевшая рядом, попросила Алину показать публикацию. Та спросила Нику взглядом. Ника кивнула: сообщение всё равно было открытым, а Соня могла увидеть его самостоятельно.

— Здесь написано «студент бесследно пропал из архивного корпуса», — сказала Соня. — А известно, что он пропал именно из корпуса?

— Нет. Семья знала только, что он перестал выходить на связь.

— Тогда они добавили место.

— Да.

Соня вернула телефон. Через минуту написала кому-то из своей группы: «Не пересылайте публикацию как проверенную. Там есть утверждения без источника». Ника увидела

сообщение случайно, когда Соня повернула экран к Алине. Она не просила об этом, и от чужой осторожности ей стало легче.

Из переговорной вышла Матвеева. Соня сразу поднялась. Следователь объяснила, что тетрадь в аудитории пока не обнаружена. Помещение ещё проверяют, и это не означает, что вещь потеряна окончательно. Матвеева попросила Соню составить список писем и, если возможно, указать, есть ли у семьи копии.

— Две фотографии есть у мамы. Остальные только на бумаге.

— Хорошо. Пришлите, пожалуйста, описания. И если тетрадь найдётся у кого-то из студентов, попросите не перекладывать содержимое до разговора с нами.

Ника показала Матвеевой публикацию. Та прочитала, спросила адрес канала и сфотографировала экран своим служебным телефоном.

— Мы не сообщали о связи смерти и исчезновения как об установленной, — сказала она. — По поводу ваших персональных данных я не могу сейчас дать юридическую консультацию, но вы правильно сделали, что сохранили ссылку и время публикации. Если редакция свяжется ещё раз, вы вправе не отвечать.

— Они спросили, откуда я знаю, что связи нет.

— Это вопрос к ним. Утверждение требует подтверждения от того, кто его делает.

Соня посмотрела на Нику и вдруг сказала:

— Я тоже хочу проверить, что у нас есть дома. Если письма найдутся, мама всё равно захочет копии. Если не найдутся — тем более.

Ланская предложила ей воспользоваться сканером в читальном зале, когда тетрадь вернут и когда следствие разрешит. Соня поблагодарила, но затем всё-таки спросила:

— Вы считаете, письма могли оказаться важными для дела Островского?

— Я не знаю. Судя по вашему рассказу, они были частью вашей работы. Если следствие увидит другое, сообщит вам то, что может сообщить. Не будем заранее делать их уликой только потому, что они оказались в той же комнате.

Это был ответ, который оставлял Соне возможность надеяться и одновременно не обещал возврата. Ника отметила, что Ланская умеет выбирать точные слова. Но точность сама по себе не доказывала ни честность, ни ложь.

У дверей появился Артём, студент, сидевший рядом с Соней. Он держал в руках чёрную сумку и попросил её посмотреть. Внутри лежала зелёная тетрадь с наклейкой.

— Я нашёл её в своём рюкзаке, — сказал он. — Думал, что это моя папка. Она тоже зелёная и с номером группы. Я вчера спешил на автобус.

Соня протянула руки, но остановилась, вспомнив слова Матвеевой.

— Письма внутри?

— Я не открывал. Только увидел наклейку и понял, что не моё. Написал Кате, она сказала, что ты здесь.

Артём выглядел так, будто готов признаться и в более серьёзном проступке, лишь бы тетрадь вернулась. Он объяснил, что дома положил рюкзак у двери и утром не разбирал: спешил на опрос. Когда Катя написала о потерянной вещи, он сначала ответил, что ничего не брал, затем проверил и обнаружил тетрадь под своей курткой.

— Я могу передать её Соне? — спросил он у Матвеевой.

— Сначала расскажите ещё раз, где она лежала и кто к ней прикасался. И покажите, пожалуйста, не вынимая содержимое.

Они пошли в переговорную. Соня ждала за дверью; Ника и Алина остались с ней. Ланской снова позвонили, она извинилась и отошла к окну. На этот раз профессор не стала скрывать усталость: опёрлась ладонью о стену, выслушала и ответила, что сможет прийти через десять минут.

— Я ведь могла сама проверить рюкзак Артёма, — сказала Соня. — Он живёт на соседнем этаже.

— Вы могли и не знать, что он случайно её забрал, — ответила Ника.

— Но я уже представила, как кто-то специально взял письма. Ещё немного — и решила бы, что они связаны с тем, что случилось.

— Вы не обвиняли его без доказательств.

— Я обвиняла про себя.

Алина сказала:

— Мы не всегда выбираем первую мысль. Но можем выбрать, что с ней делать дальше.

Соня кивнула, хотя не выглядела убеждённой. Она сняла шарф, сложила его вдвое и снова надела. Ника узнала в этом движении попытку занять руки, когда обстоятельства не позволяют сделать главное.

Через несколько минут вышла Матвеева. Она сказала, что тетрадь можно вернуть Соне после того, как сотрудник зафиксирует её состояние и содержимое; в письмах пока не видно оснований для изъятия, но окончательное решение примут после оформления. Соня попросила дождаться и вызвалась сама показать, какие листы были внутри.

— Спасибо, — сказала она Артёму, когда он вышел следом.

— За что? Я их забрал.

— За то, что вернул сразу, а не решил сначала придумать объяснение.

Артём покраснел.

— Я как раз придумал. Хотел сказать, что нашёл у стены. Потом понял, что это неправда, и испугался ещё сильнее.

— Лучше бы ты не пугался. Но хорошо, что сказал.

Он остался рядом. Ника заметила, как он подвинул Соне стул и помог ей сесть, не пытаясь взять у неё телефон или шарф. Маленькие действия после грубой ошибки не отменяли её, но давали человеку возможность продолжать разговор.

Ланская подошла к ним после звонка.

— Я получила сообщение от библиотекаря: аудиторию пока не открывают. Уборку никто не проводил до прибытия полиции. Больше ничего нового.

— Тетрадь нашлась, — сказала Алина.

— Я рада.

Профессор посмотрела на Соню. Та ответила благодарностью, но не улыбнулась: пока письма оставались за закрытой дверью, тревога ещё не закончилась.

Ника проверила канал. Публикацию изменили: вместо «документы исчезнувшего студента изъяты» теперь стояло «в институте продолжается проверка обстоятельств смерти преподавателя». Фамилия Андрея исчезла из заголовка, хотя внизу оставалась осторожная ссылка на старое исчезновение. Редактор не объяснил исправление. Ника сохранила обе версии на случай, если Матвеевой понадобится увидеть изменения.

— Исправили? — спросила Алина.

— Частично. Связь больше не называют установленной.

— Это уже что-то.

— Да. Но люди могли сохранить старую версию.

— Могли. Мы не умеем возвращать каждую прочитанную фразу обратно в телефон.

Ника улыбнулась. Алина сказала это не для утешения. Они обе видели, как быстро одна чужая версия становится общим знанием. Но знали и то, что исправление имеет значение, даже если пришло позже ошибки.

Они вернулись к скамье, где раньше сидела Ланская. Бумажный стакан всё ещё стоял на краю. Вода в нём осталась почти нетронутой. Алина убрала стакан, а Ника посмотрела на объ-

явление ректора: «Занятия отменены до обеда». Бумага уже отклеилась внизу, хотя Воронцов несколько минут назад её поправил.

— Хочешь, я помогу тебе найти читальный зал? — спросила Алина.

— Илья обещал показать каталог после разговора с матерью.

— Тогда я пойду проверю, вернули ли Соне письма. А потом найду тебя.

Она ушла к переговорной. Ника осталась у лестницы, рядом с объявлением и пустой скамьёй. Люди проходили мимо, каждый со своей причиной задержаться или уйти. У неё самой тоже был вопрос, который мог подождать несколько минут: Илья не обещал рассказывать ей всё, что знает. Но он предложил помочь с карточками. Для сегодняшнего дня этого было достаточно.

Когда ректор ушёл, к Нике подошёл Илья.

— Вы рассказали про письмо?

— Да.

— Хорошо.

— Вы уже знали, что Островский собирается со мной встретиться?

— Вчера он спросил, как найти номер вашей комнаты. Я не сказал. Предложил оставить письмо на проходной.

— Почему?

— Потому что он выглядел напуганным. А если человек напуган, не всегда разумно сообщать ему чужой адрес, даже если он просит из хороших побуждений.

Ника не знала, как ответить. За окном дворник сгребал листья с дорожки, ведущей к архиву. Дорожку перегородили лентой, но он всё равно довёл метлу до края и осторожно собрал мокрую полосу в кучу.

— Вы говорили о старом каталоге, — сказала она.

— Да.

— Где он?

— В читальном зале. Его не закрыли: там студенческие каталожные карточки, копии и справочники. Но если вы собираетесь искать А-17, нужно сказать Матвеевой, что именно мы нашли.

— «Мы»?

— Я не обещаю объяснить всё, что касается семьи. Но могу помочь разобраться с карточками.

Он протянул ей листок. На нём был нарисован ящик каталога и стрелка к нижнему ряду.

— Этот ящик заедает. Не тяните за ручку: откройте соседний и нажмите на боковую стенку.

— Вы можете просто пойти со мной.

— Могу. После того как поговорю с матерью.

— О чём?

Илья сложил пальто, которое Ирина оставила на стуле.

— О том, почему она вчера не взяла у меня папку.

Глава 4. карточка а-17

Читальный зал открылся после обеда. Полицейские попросили студентов не подходить к двери архива и не оставлять личные вещи без присмотра; в остальном жизнь института словно вернулась к обычному расписанию. На столе у входа снова появились карандаши в стакане. Кто-то аккуратно заточил их и насыпал стружку в металлическую коробочку.

Ника выбрала место у каталога. Илья задерживался. Она смотрела на ряд ящиков и пыталась не считать это разрешением начать без него. Старый каталог был доступен всем. На каждом ящике висела табличка с диапазоном букв, на одном кто-то приклеил полоску бумаги: «Не тянуть резко».

Ника открыла соседний ящик и нажала на боковую стенку, как показывал Илья. Ящик А с тихим треском подался вперёд. Внутри стояли карточки, плотно прижатые металлическим стержнем.

Обычная каталожная система не обещала откровений. Названия фондов, фамилии авторов, даты передачи, ссылки на описи. Руки делали знакомую работу, и от этого стало легче. Ника выписала три карточки с номером А-17. Первая относилась к фонду местного училища и была датирована шестьюдесятыми годами. Вторая описывала собрание рукописей купеческой семьи, переданное через музей. На третьей карточке значилось «частные письма»: номер А-17, деревянный ящик глубиной семьдесят сантиметров и дата, переправленная поверх более старой записи. Имя владельца фонда на карточке не было указано.

— Это не копия? — спросил Илья у неё за спиной.

Ника вздрогнула. Он извинился и поставил на стол две бутылки воды.

— Я не стал брать чай. Не был уверен, что вы пьёте его холодным.

— Зависит от того, сколько человек успели спросить меня об Островском.

Он сел напротив. Ника показала ему запись. Внизу карточки стояла подпись сотрудника, но первая буква была закрыта бумажной полоской, приклеенной очень давно.

— Можно оторвать? — спросила она.

— Нельзя. Карточка тоже документ. К тому же следы клея могут быть важнее подписи. Сначала спросим разрешение и сфотографируем.

Ника удержалась от замечания, что он слишком любит просить разрешение. Вчера он не отдал номер её комнаты даже человеку, которому она сама доверяла достаточно, чтобы прийти на встречу. Возможно, у этого правила была цена, которую он уже однажды заплатил.

— Вы говорили с матерью?

— Да. Она считает, что Островский ошибался с одним из номеров. И попросила меня не тревожить людей, которые передали документы в фонд.

— Каких людей?

— Не сказала.

— А вы поверили?

— Я поверил, что она чего-то боится. Это не ответ на ваш вопрос.

Они переписали данные карточки и отправили фотографию Матвеевой с пояснением, что не меняли её состояние. Ника приложила и два других номера, хотя они выглядели не связанными между собой. Следователь ответила коротко: «Получила. Не изымайте карточку. Спасибо».

Пока Илья возвращал ящик на место, Ника раскрыла свою папку и вытащила копию братнего письма. Она не собиралась показывать её ему. Но в старом каталоге вдруг обнаружилась деталь, которую нельзя было удержать в голове в одиночку: тонкая полоска бумаги на карточке была приклеена под тем же углом, что и полоска на обратной стороне конверта.

— Андрей делал так, — сказала Ника. — Закрывал край, когда случайно рвал бумагу. Не ровно, а с небольшим наклоном.

Илья наклонился над фотографией.

— Это обычная архивная лента. Её используют многие. Сходство не доказывает, что он работал с этой карточкой.

— Я знаю.

— Но мы можем выяснить, кто имел доступ к материалам. Если сохранились журналы выдачи.

Ника спрятала письмо. Она почувствовала одновременно благодарность и злость: Илья сказал ровно то, что сказала бы она сама другому человеку, увидевшему знакомый почерк в случайной царапине.

— Вы давно здесь? — спросила она.

— Третий год в мастерской. Учусь и работаю по договору. До этого бывал у матери по выходным. Знаю этот дом давно, но не весь.

— А седьмой кабинет?

— Я видел дверь, когда мне было четырнадцать. Потом её закрыли стеной.

— Стеной?

— Фанерным щитом. На плане нарисовали серый прямоугольник. В этом здании решения о ремонте часто становятся легендами быстрее, чем доходят до бухгалтерии.

— Что было внутри?

— Старые шкафы и стол. Я туда попал только один раз. Мать сказала, что там опасный пол.

— А колокольчик?

— Слышал несколько раз. Однажды поднялся на чердак и увидел, как двигается провод у вентиляционной шахты. Но не могу сказать, связан ли он со звуком: к колокольчику меня не пустили.

— Кто не пустил?

Илья посмотрел на дверь.

— Мать. Она знала, что я буду пытаться отодвинуть щит. Сказала, что доски под ним гнилые.

Их прервала библиотекарь. Она принесла новый журнал посещений и сообщила, что читальный зал сегодня закрывается на час раньше. Островский обычно оставлял на её столе ключ от тумбы с учебными материалами, добавила она, но теперь ключа не было.

— Вы знаете, что там лежало? — спросила Ника.

— Программа семинара, списки литературы, иногда черновые заметки. Я не заглядывала. Это его вещи.

Она произнесла «его» и осеклась. Ника не стала исправлять глагол. Слова ещё не успели приспособиться к смерти человека, который вчера стоял здесь с указкой.

У дальнего стеллажа послышался резкий хлопок. Затем — второй, будто кто-то уронил на пол тяжёлый том и попытался поймать его до того, как ударится корешок. Библиотекарь вздрогнула и поспешила туда. Ника с Ильёй переглянулись и пошли за ней.

В проходе между полками стояла тележка. Одно её колесо попало в щель между половицами, и коробка на верхней полке накренилась. Из коробки выскользнули две книги; одну поймал студент в очках, вторую он прижимал к груди, не решаясь положить на мокрый пол. С потолочной трубы, скрытой декоративной решёткой, капала вода.

— Я не тянул, — сказал он, как только увидел библиотекаря. — Я её только повернул.

— Я вижу. Виталий, стойте на месте. Илья, шкаф справа можно отодвинуть?

— Пустой, скорее всего. Подойдём с двух сторон.

Ника забрала у студента книгу и поняла, почему тот держал её так осторожно. Переплёт был из тонкой серой ткани, а форзац отставал от крышки. На корешке чернилами написали «1924», ниже — «Переучёт». Капля воды попала на край страницы и расползлась, образовав бесформенный полумесяц.

— Где сухие листы? — спросила Ника.

Библиотекарь указала на стол у окна. Там лежала пачка чистой промокательной бумаги для читателей. Ника положила книгу на стол и подложила несколько листов под мокрый край. Она не стала раскрывать переплёт полностью: ткань на сгибе и так держалась на нескольких нитях.

За стеной кто-то крикнул, что вызвал дежурного инженера. Алина, появившаяся в дверях с двумя чужими куртками, спросила, нужно ли вынести вещи из соседнего прохода.

— Сначала убедитесь, что пол там сухой, — ответила библиотекарь. — И не трогайте коробки с красными ярлыками: их заберут сотрудники архива.

Алина повесила куртки на спинку стула, сказала хозяйкам, где они лежат, и отправилась к полкам. Ника смотрела, как она идёт, вытянув руки перед собой, будто опасается задеть невидимую нить.

Из-под решётки упала ещё одна капля. Она попала на угол карточного шкафа, за которым они сидели десять минут назад. Если бы тележка не застряла, никто мог бы не заметить течь до утра.

— Её кто-нибудь передвигал? — спросил Виталий. — Решётку, я имею в виду. Вчера здесь было сухо.

— Вчера я не смотрела, — сказала библиотекарь. — Сейчас важнее не спрашивать, кто виноват, а убрать бумагу.

Илья сдвинул шкаф на несколько сантиметров. На полу обнаружилась тёмная полоса, уходившая под него. Он присел, провёл пальцем рядом и осмотрел место, не касаясь воды.

— Здесь вода давно. Видите вздувшийся край? Не за один час.

— Значит, вчера уже текло? — спросил Виталий.

— Значит, край вздулся раньше, чем мы его увидели. Дата по этому виду не определяется.

Ника машинально посмотрела на него. Матвеева говорила почти так же. Не о воде, разумеется, но о расстоянии между тем, что человек наблюдал, и тем, что ему хотелось из этого заключить.

Виталий поставил тележку ровно и опустил на нижнюю полку коробку. Его руки дрожали. На одной ладони темнела чернильная полоска, похожая на царапину.

— Я брал их для ведомости, — сказал он. — Данил Сергеевич просил проверить, не повторяются ли номера в старой описи. Я вчера не закончил, а сегодня подумал, что всё равно можно...

Он замолчал.

— Можно было спросить у меня, — сказала библиотекарь. — Но вы не сделали ничего тайного. Вы записали выдачу?

— Да.

— Тогда принесите журнал. Посмотрим, что именно вы взяли.

Он ушёл к стойке. Ника провела тонким листом между двумя мокрыми страницами и прижала книгу сверху чистой бумагой. Она слышала, как Илья объясняет Алине, какие коробки отнести к сухой стене, а какие оставить до прихода реставратора. Он не повышал голоса, и от этого окружающие постепенно перестали бегать.

Виталий вернулся с журналом. В графе «Материалы» он действительно перечислил две книги и коробку со справочными карточками. В графе времени стояло 15:20. Он подписался полным именем и указал кабинет, где планировал работать.

— А почему здесь нет подписи сотрудника? — спросила библиотекарь.

— Вы говорили, можно записать самим, пока вы оформляете выдачу в читальном зале.

— Можно. Но нужно было вернуться за подписью.

Виталий побледнел.

— Я вернулся. Вы разговаривали с полицейским. Я положил журнал на край стола и решил подождать.

— Он там лежал? — Библиотекарь задумалась. — Да, кажется, лежал. Это я не подписала. Простите.

Он выдохнул. Ника заметила, как сильно этот разговор его напугал: не из-за выговора, который могли объявить, а из-за того, что в день смерти преподавателя любая неточность в журнале казалась возможным обвинением.

— Можно исправить сейчас? — спросил он.

— Можно добавить подпись с сегодняшним временем и пояснением. Задним числом ставить не будем.

Библиотекарь записала: «Подтверждаю выдачу, подпись внесена в 15:47». Потом протянула журнал Виталию. Тот внимательно прочёл и только после этого убрал руки со стола.

Ника увидела рядом с его записью другую строку — выдача фонда для семинара Островского. Время стояло накануне, но номер папки был вписан карандашом и затем обведён чернилами. Она не могла разобрать последнюю цифру.

— Я могу посмотреть эту строку? — спросила она.

Библиотекарь повернула журнал к себе.

— Это запись о материалах, которые вчера выдавались на лекцию. Сейчас журнал может понадобиться следствию. Я не имею права разрешать вам фотографировать его без распоряжения.

— Я не буду. Но там номер закрашен?

— Не закрашен. Переписан. — Библиотекарь взяла лупу из кармана фартука. — Не могу сказать, что было под чернилами. Когда приедет Матвеева, покажу ей.

Ника хотела попросить запомнить номер. Потом поняла, что библиотекарь и так взяла журнал в руки именно потому, что он может быть важен. Желание повторить очевидное происходило не от беспокойства за документ, а от потребности хотя бы чем-то управлять.

— Хорошо, — сказала она.

Виталий посмотрел на неё с благодарностью, которую она не заслуживала. Она не помогла ему договориться о журнале, только увидела его страх.

— Вы работали у Островского? — спросила Ника, пока библиотекарь звонила дежурному.

— На семинаре. Мы изучали описи поступлений после закрытия старого городского училища. Мне достался список, где две вещи числятся под одним номером. Я думал, это ошибка при печати.

— И что он сказал?

— Что ошибка при печати — удобный ответ, если его удаётся проверить. Он предложил сравнить черновую и чистовую описи. Я нашёл черновую, а чистовую мне должны были выдать на следующей неделе.

— Номер А-17?

Виталий покачал головой.

— Нет. Мой был другой. Но метод тот же. Он не искал заговор в каждом несовпадении. Он хотел понять, как менялись документы при передаче.

— Вы общались с ним вчера после лекции?

— Нет. Я хотел спросить про семинар, но он уже говорил с ректором. Ушёл к автобусу.

— Вы сказали об этом следователю?

— Да. И о том, что пришёл сегодня за книгами. — Он посмотрел на свои руки. — Наверное, я слишком подробно рассказывал. В какой-то момент начал объяснять, почему у меня в блокноте такой почерк.

— Она спросила?

— Нет. Я сам. Боюсь молчания. Пока она пишет, мне кажется, что я должен сказать что-то ещё.

— Я тоже так подумала.

Виталий впервые улыбнулся. Он рассказал, что работает по вечерам в типографии и привык проверять каждую цифру по два раза. Папа хотел, чтобы он выбрал специальность, «где результат можно взять в руки». Архивистика оказалась для него неожиданным ответом: документы можно взять, но результат работы с ними часто не помещается ни в один ящик.

— Данил Сергеевич говорил, что хороший список похож на мост, — добавил он. — Он не заменяет путь, но позволяет не утонуть по дороге.

— Красиво.

— Он ещё говорил, что мост нужно проверять, прежде чем по нему вести людей. Поэтому у нас на семинаре было много таблиц и мало красивых слов.

Пришёл инженер. Он представился Сергеем и начал осматривать решётку. Ему понадобилась стремянка. Илья принёс её из мастерской, по дороге предупредив библиотекаря, что ступени шатаются. Сергей проверил замки и отказался подниматься, пока Илья не принёс другую лестницу.

— Так медленнее, — заметила Алина.

— Зато я смогу сказать, что сегодня сделал работу, а не добавил вам ещё одного пострадавшего, — ответил Сергей.

Он снял решётку и подсветил пространство над трубой. Лампочка фонаря отразилась в мокром металле.

— Конденсат. Возможно, стык подтекает, возможно, вентиляция работает не так, как должна. Нужно открыть перекрытие, сейчас я не скажу точно.

— Это связано с архивной лестницей? — спросила Ника.

— Не знаю. Другая линия. На планах посмотрю, но пока не связывайте их.

Её вопрос прозвучал слишком быстро. Она извинилась. Сергей пожал плечами: за последние сутки ему, вероятно, задали уже много вопросов, на которые никто не мог ответить.

Илья стоял у стены, придерживая лестницу. Когда инженер назвал вентиляцию, он чуть переменил положение рук. Ника вспомнила его рассказ о проводе возле шахты и о том, как мать не пустила его к закрытому помещению. Это воспоминание требовало осторожности: он не говорил, что нынешняя труба связана с седьмым кабинетом. Между двумя вещами может быть и семейная история, и всего лишь одинаковое слово «вентиляция».

Сергей попросил выключить часть системы и принёс переносной контейнер для воды. Библиотекарь позвонила Ланской, чтобы сообщить о течи и временном переносе материалов. Ника услышала только её сторону разговора:

— Нет, я не трогала карточки из закрытого ящика... Да, фотография уже у следствия... Я поняла. Они сейчас в читальном зале, под присмотром.

Библиотекарь повесила трубку и посмотрела на Нику с Ильёй.

— Профессор придёт через десять минут. До этого ящик А не трогайте.

— Мы уже вернули его на место, — сказал Илья.

— Знаю. Я просто говорю на случай, если у вас появится желание снова его открыть.

Желание у Ники действительно появилось. Ей хотелось достать карточку, поднести к свету, сравнить бумагу с копией братнего письма. Не потому, что за несколько минут она научилась бы видеть под наклейкой, а потому, что рядом взрослые люди переносили книги и проверяли журналы, а ей оставалось ждать.

— Я не буду, — ответила она.

Илья подошёл к столу. Он внимательно осмотрел книгу, которую она подсушивала, и спросил разрешения взять её.

— Вы хорошо подложили листы. Нельзя, чтобы влага осталась у корешка. Понесём в мастерскую.

— Мне не нужно ничего заполнять?

— Нужно. Библиотекарь отметит временную передачу, я распишусь и принесу вам копию отметки, если она нужна для вашей работы.

— Вы уже слышали про журнал Виталия?

— Половину коридора слышала. Здесь стены лучше сохраняют звук, чем тайны.

Он взял книгу двумя руками. Виталий предложил помочь, но Илья попросил его сначала сфотографировать запись о передаче для собственной работы — с разрешения библиотекаря. Тот уточнил, можно ли это сделать, и получил согласие.

— Я проверю, что книга доехала до мастерской, — сказал Виталий. — Иначе всю ночь буду думать о том, как у неё отрывается корешок.

— Это не самое худшее, о чём можно думать сегодня, — ответил Илья. — Приходите через полчаса.

Они ушли. Алина вернулась от полок, держа чистую тряпку. На локте у неё появилась пыльная полоса.

— Две коробки перенесли, три оставили, всё подписали. Я неожиданно оказалась полезной.

— Это неожиданно для кого?

— Для моей школьной учительницы. Она считала, что я превращаю любое поручение в дискуссию.

— Ты и сейчас сначала спросила, куда переносить.

— Вот именно. А потом не стала спорить с ответом. Можно записывать в личные достижения.

Она положила тряпку в ведро и стала отмывать руки. Вода в раковине шла тонкой струёй. Сначала грязь скатывалась с пальцев, потом под ногтями осталась темнота, которую пришлось вычищать щёткой.

— Мне кажется, я знаю эту женщину, — сказала Алина. — Которая была с Ланской после опроса. Не по имени, а по голосу. Она однажды приходила на встречу по устной истории и спросила, что делать, если человек разрешил записать разговор, а через неделю попросил всё удалить.

— И что ты ответила?

— Что сначала нужно выяснить, на каких условиях запись сделана. Если человек разрешил только для учебной работы, а не для хранения и публикации, его просьбу нельзя игнорировать. Но я не уверена, что ответила достаточно хорошо. Данил Сергеевич потом сказал: иногда человеку важно не только удалить запись, а понять, кто её слышал.

— Ты думаешь, Ланская приходила из-за Андрея?

— Я ничего не думаю про Андрея. Я узнала голос. Может быть, ошиблась. К тому же вопрос о записи не означает, что она говорила о нём.

Ника кивнула. Её собственная готовность соединить двух людей одним предложением испугала сильнее, чем отказ Ланской отвечать. Было слишком удобно взять чужую историю, придвинуть к своей и объявить доказательством.

Алина закрыла кран.

— Ты рассказала Матвеевой обо всём, что слышала ночью? — спросила Алина.

— Да. Даже о звуке, который могла издать труба или чья-то сумка на лестнице.

— Я спала и ничего не слышала. Это тоже ответ, сказала следователь. Но мне всё равно кажется, что я должна была проснуться.

— Ты не обязана была караулить коридор. Ни одна из нас не знала, что случится.

Алина не сразу кивнула. Ника узнала в её лице то же выражение, что видела у Виталия: человек требовал от себя знания, которого у него не было.

Через стеклянную дверь показалась Ланская. Она остановилась возле библиотекаря и выслушала доклад о книгах, воде и журнале выдачи. Потом посмотрела на каталог.

— Ящик не открывали после сообщения следствию?

— Нет, — ответила Ника. — Мы убирали материалы из-под течи. Ящик отодвинули вместе со шкафом.

— Его содержимое осталось на месте?

— Я проверю с библиотекарем и отмечу это, — сказал вернувшийся Илья.

Ланская разрешила им проверить положение карточек в её присутствии, не вытаскивая отдельные записи. На верхнем крае ящика ещё блестела капля. Библиотекарь вытерла её сухой салфеткой, прежде чем открыть замок. Карточки стояли плотно, металлический стержень был на месте.

— Всё выглядит целым, — сказала она. — Но если следователь решит изъять ящик, мы оформим его состояние отдельно.

Ланская кивнула. Ника смотрела на закрытую наклейкой подпись и боролась с желанием спросить, кто её наклеил. Вопрос был бы уместен, но Ланская уже сказала, что объяснит следствию систему нумерации. Важно было не добиться признания в коридоре, а сохранить возможность проверить её слова.

— Вы попросите перенести каталог? — спросила Ника.

— После того как инженер подтвердит, что именно произошло. Мы не станем таскать карточки без причины и без учёта. — Ланская закрыла ящик. — Но оставим сухую плёнку и контейнеры рядом.

Её голос звучал ровно. Только когда она поставила ящик на место, Ника заметила, что профессор удерживает его обеими руками чуть дольше необходимого. Это мог быть страх повредить каталог. Могло быть что угодно. Ника не стала записывать движение как признак вины.

Инженер сообщил, что временно перекрыл подачу в соседний участок и оставил заявку на ремонт. Студентам разрешили вернуться к работе, но часть столов рядом с мокрой стеной пришлось закрыть. Виталий пришёл из мастерской с копией передачи и показал её библиотекарю. Та вложила копию в журнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.